

ЗМЕИНОЕ ГНЕЗДО

16+

ТЕНЬ ЗАГОВОРА

ЗЛАТА ИВОЛГА

Змеиное гнездо

Злата Иволга

Змеиное гнездо. Тень заговора

«Автор»

2015

Злата Иволга

Змеиное гнездо. Тень заговора / Злата Иволга — «Автор»,
2015 — (Змеиное гнездо)

Девятнадцать лет назад заговор против короны в Илеханде закончился пропажей трех маленьких принцесс и введением закона об ограничении магии. Все считают, что девочки погибли. Кронпринцессу Вильгельмину, единственную оставшуюся в живых наследницу престола, интересуют больше собаки, лошади и охота, чем дела королевства. Желая, чтобы дочь остепенилась, королева приглашает во дворец очередного жениха, принца из дружественной страны Тусара. И никто не подозревает, что скоро за этим потянется цепочка событий, грозящая нарушить спокойствие не только Илеханда и Тусара, но и соседней Суриды. Кто виноват в случившихся неприятностях, как все исправить, и при чем здесь магические Башни? Приключения, любовь, интриги и магия в первом романе дилогии "Змеиное гнездо" – "Тень заговора".

© Злата Иволга, 2015

© Автор, 2015

Содержание

Увертюра	6
Вилайет Сэдыр, Сурида, 25 день Носа Оленя 19 лет назад	6
Шестая Башня, герцогство Морская Длань, Илеханд, 25 день	10
Носа Оленя 19 лет назад	
Герцогство Синие Камни, Тусар, 25 день Носа Оленя 19 лет	14
назад	
Окрестности столицы Суриды, Хвост Пчелы, 13 лет назад	17
Шестая Башня, герцогство Морская Длань, Илеханд, 25 день	22
Носа Оленя 10 лет назад	
Столица Суриды, Хвост Змеи, 1 год назад.	24
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	28
Глава 1	29
Королевский дворец, Илеханд	29
Шестая Башня, герцогство Морская Длань, Илеханд	31
Храм Хора, столица, Илеханд	34
Порт Хандэльф, Илеханд	36
Глава 2	38
Королевский дворец, столица, Илеханд	38
Казармы, Дворцовый округ, столица, Илеханд	42
Королевский дворец; Посольство, Дворцовая площадь, столица,	45
Илеханд	
Глава 3	52
Королевский дворец, столица, Илеханд	52
Герцогство Морская Длань, Илеханд	55
Гостиница, Дворцовый округ, Илеханд	56
Улицы столицы, Илеханд	59
Королевский дворец, столица, Илеханд	63
Глава 4	67
Постоялый двор, Купеческий квартал, столица, Илеханд	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Злата Иволга

Змеиное гнездо. Тень заговора

*Я знал одной лишь думы власть,
Одну – но пламенную страсть:
Она, как червь, во мне жила,
Изгрызла душу и сожгла.
М.Ю. Лермонтов «Мицъри»*

Увертюра

Вилайет Сэдыр, Сурида, 25 день Носа Оленя 19 лет назад

– Сдаемся? Что нам грозит?

Здоровенный бородатый Вито бросил хмурый взгляд на последнюю застреленную лошадь.

– Мы прикончили брата этого купца, отобрали деньги и увели лошадей. Нас не бросят в темницу, а сразу удавят.

– Этот купец не заплатил нам! А его брат сам пытался прирезать! – вспыхнул Хенрик, – Это наши деньги и... лошади... были.

– Молод ты еще и глуп. – Вито отвернулся и посмотрел на кучку людей, которые по-прежнему смотрели на него с надеждой. – Плохи дела, братцы. Кто пожелает спастись сам по себе – удерживать не стану. Может, в одиночку вам повезет. – Он обвел взглядом молчащих людей. – Будете уходить – возьмите свою долю. Деньги в мешке на лошади. Удачи всем.

Хенрик почувствовал, как на лоб и руку упали крупные капли дождя.

– Эй. – Он радостно дернул Вито за рукав. – Духи меня раздери, это наш шанс, дождь смоем следы. Можем переждать в спокойном месте, а потом дойдем до границы. Надо только миновать перевал.

Вито промолчал. Трое из их небольшого отряда ссыпали монеты к себе за пояса и, приложив ладони поочередно к губам и ко лбу, скрылись за кустами. Вместе с Хенриком оставалось еще четверо.

– Ты же говорил, что не хочешь возвращаться в Илеханд. – Вито заметно повеселел, глядя на мрачные серые тучи и ежась под усиливающимся дождем.

– Лучше моя неприветливая родина, чем суридский суд и удавка, – отозвался Хенрик.

Он прекрасно знал, что мало кто из удачливого до сегодняшнего дня отряда «сираскера» Вито не имел неприятностей с властями родной страны, а некоторые, особо успешные, прославились и в соседних государствах.

– Родина одна, – сказал Вито. – Ты можешь духи весть сколько времени не жить там. Но она всегда должна быть для тебя приветливой. – Он обернулся к оставшимся людям. – Попробуем через перевал. Главное, ноги не переломать в этих горах. А после такого дождя нас и Башни не найдут. И, кстати, в Суриде очень быстрый суд. Кади выносит решение, приговоренного выволакивают во двор и сразу душат.

Через долгие два часа Хенрик услышал голоса и конский топот. Сумерки сгустились, и они наугад шли по заросшей тропе в редком горном леске, временами продираясь через густые заросли ежевики. Дождь кончился, дул сильный ветер.

– Вито! – позвал Хенрик и резко остановился.

– Слышу, не ори.

– Теперь нам точно конец. Я тебе говорил – они взяли с собой мага.

Вито шумно вздохнул и махнул рукой вперед. Он все еще надеялся оторваться от погони. Хенрик пожал плечами. Сильно уставшее тело отозвалось ломотой. Оставалось уповать на все воплощения Бога или чудо.

– Ты слышал легенду о воинственной Змейке? Вот она бы нам сейчас пригодилась.

– Очередные детские сказки? – фыркнул Вито, не оборачиваясь.

– Угу. В детстве мачеха рассказывала. Когда не лупила меня палкой для белья, – отозвался Хенрик, пытаясь и догоняя его. – Вот послушай. В далекие времена жила принцесса, которая была прекраснее и сильнее всех на свете. Ни один враг не смел прийти к ее народу, пока

она охраняла их покой. Когда же принцесса умерла, то упростила Хора позволить ей остаться у порога мира духов ровно на тысячу лет. Бог согласился, и с тех пор воинственная Змейка открывает двери из мира духов и приходит на помощь всем нуждающимся. Расстояние и время для нее не преграда.

– Илехандская покровительница воинов и наемников, – хмыкнул Вито. – Наслышан. Бабки у нас в Тусаре прибавляли, что она была магом. Но не надейся, что она выпрыгнет из темноты и спасет нас.

Спустя еще четверть часа Хенрик сам готовился отправиться в мир духов. Погоня находилась от них всего в нескольких минутах езды. Были слышны голоса и звяканье сбруи.

Вито огляделся.

– Спрячемся там. – Он указал на кусты, представлявшие собой темный бесформенный ком в стороне от тропы.

Хенрик бежал за всеми, с трудом перебирая ногами. Ну как Вито не может понять, что чем дольше они сопротивляются, тем больше шансов оказаться на колу?

Забравшись под мокрый колючий куст, Хенрик вспомнил, что Вито говорил про палачей-душителей, а не про кол. «Страх из камня гору делает», – подумал Хенрик и пригнулся, потому что на тропу ниже по склону выбрался отряд всадников и резко остановился.

– В чем дело? Опять след потеряли? – раздался низкий недовольный голос. – Учтите, мы рядом с границей Илеханда. Если нарушим ее или столкнемся с тамошним патрулем, мне поджарят пятки. А вы и этим не отделаетесь.

– Никак нет, Мехмет ага, след вроде в порядке. Просто где-то рядом недавно... – Говоривший помолчал. – Вы уверены, что среди этих наемников не было мага?

– Не бывает у них магов, они слишком дорого стоят. Да и кто из ваших Башен пойдет в отряд головорезов?

– Чужая душа потемки, ага.

– Недобрые духи вас всех раздери! Не надо мне проповедей о спасении души, я человек простой. Вы прямо скажите, что там ваша птичка насвистала? Мы правильно идем? А то пора бросить это проклятое дело и вернуться в казарму, там, по крайней мере, сухо. Давно не припомню такой погоды в Нос Оленя.

Послышалось ржание лошади и сухое покашливание. Хенрик чуть высунул голову, чтобы посмотреть на мага из Башни, благодаря которому отряд вышел на их след. Магов Хенрик в своей жизни видел мало. Этот был вторым.

На полянке можно было разглядеть чуть больше дюжины лошадей, половина всадников спешили. Конь мага стоял рядом с лошадью командира в белом, но теперь уже мокром и грязном плаще. А у купца неплохие связи. Похоже, личная стража самого кади. Или даже шаха. Маг был с ног до головы закутан в темный плащ.

Справа послышался треск веток и тихие всхлипывания.

– Мехмет ага, вон там!

– Рассыпаться! Обыскать окрестности! Далеко друг от друга не отходить!

Хенрик услышал, как тихо зашипел рядом с ним Вито, и попытался нашить кинжал, которым сейчас можно было только зарезаться.

Неожиданно раздался скрипучий смех мага.

– Да это ребенок!

Хенрик поднял голову и осторожно выглянул из кустов. Маг уже спешил и смотрел на что-то у его коленей.

– Что вы там несете, какой ребенок?

– Самый обычный, думаю, крестьянский, заблудился. Здесь же деревня недалеко.

– Тьфу ты, печенка духов! Отставить! По коням!

Зубы Хенрика выбивали барабанную дробь, руки подрагивали, и он снова зарылся в кусты. Не стоит искушать судьбу при таком невероятном везении.

– Мне все это надоело. Будем считать, что погодные условия не позволили напасть на след.

– Мехмет ага, вы ставите под сомнение мою компетентность!

– Ничего, скажу, что вы подхватили простуду и не смогли колдовать. – В голосе командира послышался намек и угроза.

– Кхе, кхе... – весьма натурально закашлялся маг.

– Возвращаемся! Да, ребенка заберите, завезем по пути в деревню. А где же он?

– Только что был здесь. Не нравится мне это, тут недалеко кто-то использовал магию, и я...

– А, оставьте. В такую ночь могло и померещиться.

Пользуясь шумом и стуком копыт, Хенрик снова выглянул и услышал, как задержавшийся маг пробормотал на его родном языке, с опозданием отвечая на фразу капитана:

– На моей родине в Илеханде такого дуболома давно бы в Башню сдали. Для опытов.

Он резко по-птичьи свистнул и вытянул руку в соколиной перчатке. Из сгустившейся темноты вынырнула большая темная птица, похоже, алет или сумеречный коршун, и, сев на руку мага, заклекотала. Тот быстро повернул голову, посмотрел прямо в сторону замершего и в который раз облившегося потом Хенрика, тихо рассмеялся и поспешил за отрядом.

Хенрик дождался, пока последний всадник скроется в темноте, и вскочил на ноги.

– Я умер, я точно умер! Вито, ущипни меня... Он нас заметил... Это еще что такое?

У его ног стояло нечто маленькое и громко шмыгало носом.

Огромный наемник присел на корточки и рассмеялся.

– Да это наш спаситель! Значит, магу не померещилось.

Хенрик присмотрелся и действительно увидел ребенка, одетого в грязную длинную рубашку.

– Ты чей, малыш? – спросил Вито.

Ребенок сунул в рот палец и не ответил.

– Хенрик, возьми его к себе. Здесь холодно, он простудится.

– Я? А...

– Да не бойся, это всего лишь маленький грязный мальчишка. Найдем место для ночлега.

– Как же! Нас теперь ни в один трактир не пустят в таком виде, – проворчал Хенрик, прижимая к себе ребенка.

– С деньгами-то? – хохотнул Вито. – Да мы его выкупим!

Ранним утром Хенрик отчаянно зевал в душном зале какого-то придорожного трактира над кружкой непонятного пойла. Вито сидел рядом и задумчиво скоблил ногтем стол.

В зал влетела трактирщица, которой Вито поручил вымыть и переодеть их неожиданную находку.

– Вот, заберите вашу капризную мелочь. Ей не понравился запах моего мыла и моя каша.

Вито подхватил на руки ребенка, уже чистого и переодетого в новую рубашку, и, удивленно хлопая глазами, спросил:

– Ей?

Но трактирщица уже поспешила по своим делам, оставив двух мужчин, оторопело смотрящих на кроху, перебирающую украшения на шее Вито.

– Девчонка, – воскликнул Хенрик, рассматривая ее влажные от воды волосы и серьезную мордашку.

Вито опустил на скамью и посадил ребенка на стол.

– Ну, как тебя зовут?

Девочка наморщила нос.

– Как тебя зо-вут? – медленно повторил Вито.

Девочка задумчиво кусала палец.

Мужчины переглянулись, а потом Хенрик, подумав, задал тот же вопрос, только на родном языке. Ребенок поднял на них глаза.

– Фике, – неуверенно, но очень четко произнесла она.

Хенрик задумчиво рассматривал ее: обычная девчонка с рыжими растрепанными волосами и непонятного цвета глазами.

– Я начинаю верить в милость Бога, – неожиданно сказал Вито

– Ты же говорил, что никто не выпрыгнет из темноты, – хмыкнул Хенрик.

Вито помолчал, а потом также тихо произнес:

– Конечно, она оказалась девочкой. В этой стране почитают женское воплощение Бога. Ребенок, конечно, не сказочная змейка, или как там ее, но нашелся на нашу удачу.

– Не знал, что ты веришь в Бога, тем более в суридскую Шаллиах, – удивленно сказал Хенрик.

Вито неожиданно громко расхохотался.

– А ты не веришь в своего илехандского Хора? Я ж видел, как ты перед каждым делом украдкой молишься. А вот это – воплощение Шаллиах, наше, личное. Пусть и говорит по-илехандски. – Он шутливо щелкнул малышку по носу, она вцепилась в его руку и стала на ней качаться, от чего Вито, суровый и упрямый «сираскер», рассмеялся еще больше.

Хенрик заметил, что выстиранная рубашка девочки лежит на столе. Он взял ее в руки и рассмотрел.

– Вито, – тихо сказал Хенрик.

Тот поднял голову, и в его бороду тут же вцепилась проказливая девчонка.

– Это одежда Фике.

Вито прищурился.

– Ага ошибся, это не крестьянский ребенок, – продолжал Хенрик, разглаживая цветную вязь на воротничке. – Что же это такое, а?

– Да уж не в хижине сшито, – согласился Вито.

– Ты не понимаешь, этот рисунок...

Вито поднял глаза на друга.

– Ты разбираешься в геральдике, Хенрик? Ты же рассказывал о своем детстве в ремесленном квартале.

– Я... Я ошибся. Этого не может быть. Но она поняла вопрос на моем родном языке. – Хенрик внимательно и взволнованно посмотрел на девочку. – Вот как она оказалась в этих горах? И что там говорил маг? Обещай, как только все устроится, послать кого-нибудь в Илеханд. Я боюсь, там что-то случилось. С королевой, кронпринцессой или принцем, – закончил Хенрик уже совсем шепотом.

Вито долго и тяжело смотрел на него. Потом встал, передал ему Фике, взял со стола рубашку, подошел к очагу и бросил ее в огонь.

– Вито! – ахнул Хенрик.

– Молодой ты еще, глупый. – Вито отобрал у него девочку и медленно пошел к лестнице, ведущей к комнатам для ночлега.

Шестая Башня, герцогство Морская Длань, Илеханд, 25 день Носа Оленя 19 лет назад

Дитер с досадой отвернулся и стал смотреть на далекие зарницы подступающей с юга грозы. Девчонка собрала игру и сочувственно заявила:

– Ничего, потренируешься и, возможно, придет день, когда ты меня обыграешь.

– Отстань, Чичек, я уже три года играю в эту проклятую игру. Честно сказать, у меня пропал интерес.

– Ты так говоришь, потому что проиграл, баронет.

Дитер посмотрел на дерзкую девчонку, свою ровесницу, которая практически на всех занятиях соображала быстрее его, а, может быть, просто отличалась усердием. Дитер вздохнул: терпение – вот чему стоит поучиться у Чичек.

– Ладно, я плохо играю в корабли. – Он помолчал и прибавил запальчиво. – Но и ты не завидуй тому, что мне светит более блестящее будущее, чем тебе.

Дитер знал, что пухлая четырнадцатилетняя Чичек чья-то незаконная дочь, тогда как он, Дитер, баронет Майер.

– Магистр говорит, что будущее – рябь на воде, еще не оформленная Богом и... нам не дано знать, кто поднимется на высоты, а кто окажется в самом низу. Покажет только время и сам человек. Тот, который слепо верит в то, что еще не произошло, не увидит того, что показывает Бог, – ответила Чичек на его последнюю реплику.

Дитер посмотрел ей в глаза и увидел в этих озерах блеклого голубого цвета непонятную поволоку.

– Чичек, эй! Что с тобой? – Он потряс ее за рукав, потом за плечи.

Девчонка несколько раз резко мотнула головой. Поволока из глаз исчезла.

– Что? Я опять что-то вешала?

– Похоже на то. От тебя не знаешь, чего ждать. – Дитер отпустил ее плечи и поежился: слова Чичек его не порадовали.

– А что я выдала? Что-нибудь умное? – спросила она.

– Да так... что-то про самоопределение человека в мире, – пробормотал Дитер.

– Не интересно. Хотела бы я знать, почему у меня это случилось сейчас. Наставник говорил, что лучшее время для пророчеств – преддверие рассвета.

– Кто тебя знает? – отмахнулся Дитер. Совпадение темы их разговора и очередного «просветления» Чичек вызвало смутное беспокойство.

Ему и девчонке предстояло еще долго сидеть на стене Башни. Сегодня до полуночи было время их дежурства. Дитер предпочитал, чтобы его ставили в пару с меньшими всезнайками, хотя сам себя тупым никогда не считал, и это мнение совпадало с мнением наставников. Но проявившийся ментальный талант Чичек пугал Дитера. Он хорошо помнил, как однажды в кабинете Магистра случился предсказанный ею пожар. Все наставники стали относиться к ученице Чичек с большим вниманием. К Дитеру относились с не меньшим вниманием, но по другой причине: его отец, барон Майер, прочил сыну великое будущее, возможно, даже пост придворного мага. Дитер уже не мог себе представить другой судьбы, как личный советник королевы, имеющий свои апартаменты во дворце. Отец и мать часто повторяли ему, что он должен хорошо учиться, чтобы не посрамить их род и быть достойным своего будущего ответственного поста. Дитер хорошо учился, но иногда в глубине души смертельно завидовал этим всезнающим дочкам и сынкам купцов, ремесленников и мелких лордов, даже бастардам, которые еще и пророчествовали ко всем прочим своим талантам. Дитер нахмурился.

– Может, сыграем еще раз? – предложила Чичек.

– Тогда я еще больше разозлюсь.

– А ты не настраивай себя на проигрыш, просто играй и все.

Дитер посмотрел на ее круглое щекастое лицо и вздохнул.

– Возможно, когда я буду к этому готов, обязательно сыграю с тобой хоть тысячу партий. Но сейчас я замерз. Интересно, который час.

Чичек, прежде чем он успел возразить, сказала:

– Примерно без четверти десять.

– Тоска. Еще долго здесь торчать, – протянул Дитер, снова досадуя на то, что всезнающая девчонка так ловко определила время. Ну что ей стоило дать сделать это ему самому!

Чичек покопалась в складках ученического балахона и достала пару печений.

– Будешь?

– Не-а. Ты разве не помнишь, что сказала наставница Урсула – ночью есть вредно. Последние ее эксперименты показали, что...

– Жнаю, жнаю, – прервала его Чичек, с аппетитом жуя печенье, – тело в состоянии покоя плохо усваивает пищу. Ну, так покой – это состояние, когда человек вообще не двигается и не думает, например, спит, а мы сейчас мерзнем на этой стене и разговариваем. Получается, что пища даже необходима. Кстати, похоже, начинается дождь.

Дитер покосился на нее и заметил:

– Скажи это наставнику Урсуле. Думаю, она оценит твои рассуждения и, безусловно, новый подход к ее работе.

Чичек чуть не поперхнулась печеньем: всем была известно, что наставник Урсула, член совета Шестой Башни, фанатично предана своей теории, которую старается осуществить и на практике. Любое возражение по поводу ее исследований, пусть даже логически обоснованное, вызовет бурю возмущений, кучу сложных лабораторных работ и несколько внеочередных дежурств.

Дитер поудобнее устроился на парапете, подтянул колени к груди и прикрыл глаза.

– Если будешь дремать, то замерзнешь, – наставительно произнесла Чичек, дожевывая печенье. – Ветер усилился. Лучше используй согревающую формулу.

– Ну, посоветовала! Она у меня настолько плохо получается, что сюда сбежит вся Башня.

Чичек презрительно фыркнула:

– Не сбежит. Только что кто-то так неуклюже что-то сотворил, что у меня волосы на затылке дыбом встали. А никто и пальцем не пошевелил.

– Где? – удивленно спросил Дитер, очнувшись от полудремы.

– Не знаю, рядом, – проговорила Чичек, почему-то почти шепотом.

Дитер резко вскочил и выглянул за стену. В лицо ему ударил холодный ветер, принесший с собой капли дождя. Теперь юный баронет и сам почувствовал, как остатки мощного чужого колдовства скребут внутри головы, словно щетка для мытья посуды.

– Там, смотри, – сказала Чичек, указывая куда-то в темноту.

– Я ничего не вижу... Хотя, стой, что-то белое.

Темноту разорвала короткая вспышка далекой молнии.

– Это ребенок, совсем маленький. Пойдем, заберем его. – Чичек двинулась к ступеням.

– Ты что? Нам попадет!

– Нам попадет, если мы пропустим что-то важное. Ну, сам подумай: что делать ребенку возле Башни поздним вечером?

Дитер мысленно с ней согласился, осторожно спускаясь по ступеням вниз.

Они вышли через небольшую калитку в стене и осмотрелись. Дождь потихоньку усиливался.

– Ты видишь его?

Сверкание молнии выхватило из темноты маленькую фигурку, сидящую на корточках. Маги осторожно подошли к ней. Действительно, это был обычный ребенок, не иллюзия, не морок, не зловещий и таинственный враг, образ которого уже успел нарисоваться в воображении двух подростков, присевших перед своей находкой. Ребенок шмыгал носом, вытирая кулачками слезы с лица.

– Ты чей? – спросил Дитер.

– Нашел чего спрашивать, он и говорить-то не умеет. – Чичек осторожно тронула ребенка за плечо и прикрыла глаза. Дитер тихо выругался: опять она все берет на себя, и наверняка ее похвалят за грамотные и оперативные действия в нестандартной ситуации. Дитер взял ребенка за вторую ручку и тоже попытался сосредоточиться.

– Так. Возраст – два полных года, пол женский, состояние сильно обеспокоенное, серьезных заболеваний нет, – голосом заправского сержанта отрапортовала Чичек.

Дитер, который тоже не терял времени даром, торжествуя улынулся. Он покажет этой всезнайке, что сын барона сам по себе тоже чего-то стоит.

– Это не все, Чичек. Девчонка – маг.

Чичек вытаращила на него глаза.

– Получается.... Получается... Это же она колдовала!

– Все это очень и очень интересно, – в который раз повторил Магистр Шестой Башни Андреас, постукивая пальцами по столу. Напротив сидел смертельно уставший Дитер и судорожно зевал. Была почти полночь. Накормленная и обогретая найденная девочка давно спала в апартаментах Магистра. Чичек, с которой взяли отчет о событиях, отправили спать. А несчастный Дитер продолжал сидеть перед Андреасом, не зная, зачем его здесь держат, ведь Магистр за последние пятнадцать минут произнес от силы слов десять. Дитер еще раз зевнул, прикрыв рот рукой, привычно сгорбился, но тут же выпрямился, услышав, наконец, голос Магистра.

– Надеюсь, ты понимаешь, мальчик мой, что не стоит пока сообщать никому о нашей находке.

– А... а я еще не успел никому сказать.

– И хорошо, – с нажимом произнес Магистр Андреас. – Чичек я уже предупредил.

– А можно спросить, в чем собственно дело? – осмелился Дитер. Конечно, не будь он сыном барона Майера, он и не подумал бы о том, чтобы вот так запросто сунуть нос в дела Башни.

Андреас покачал головой:

– Я сам многого не понимаю. Ясно одно – мы должны подождать.

– Чего?

Магистр вскинул глаза на ученика.

– Ты удивляешь меня, Дитер. По-твоему, у нас каждый день появляются такие дети, к тому же с талантом?

Дитер промолчал, не желая прослыть тугодумом. Он решил, что выспится и сам разберется с ночным приключением. Слово «такие» ему не понравилось почти так же, как предсказание Чичек.

– Я сообщу тебе, если что еще случится, – сказал Андреас. – А теперь иди спать.

Дитер кивнул, отвесил короткий поклон и пошел к двери. На самом пороге Магистр окликнул его:

– Чичек впадала в транс?

– Совсем ненадолго. Произнесла несколько фраз, и я ее вывел.

– Гм... Странно нелюбопытная молодежь пошла. Чичек ведь говорила о будущем, и ты даже не дослушал ее до конца.

Дитер посмотрел прямо в глаза Андреасу и сказал:

– Возможно, у меня сработала защитная реакция – прямо перед тем, как Чичек впала в транс, мы говорили... – Он устало прикрыл веки. – В общем, не понравилось мне ее пророчество. Спокойной ночи, Магистр.

Дверь мягко хлопнула, а брови Андреаса стремительно взлетели вверх.

Герцогство Синие Камни, Тусар, 25 день Носа Оленя 19 лет назад

Дама Донателла Фарелли прислушалась к необычайно умиротворяющему звуку, который издавали капли дождя, попадающие на карниз, и в очередной раз подумала, как же хорошо в такую погоду находиться дома у камина. Она поежилась, представив, что кто-то сейчас снаружи месит грязь на темных дорогах. Неожиданно Донателле пришла в голову другая мысль: а каково под дождем тому, кто лежит в склепе, глубоко под землей? Она вздрогнула и почему-то не удивилась, услышав громкий стук в ворота. Нет, конечно, она не могла предположить, что ее покойный муж вдруг покинул свое уютное обиталище и решил зайти на огонек, но в ночных гостях всегда есть что-то пугающее. Стук повторился, точнее, уже грохот. Донателла выглянула в холл и услышала шарканье ног дворецкого и приглушенные ругательства с улицы. Голос показался хозяйке знакомым, и она поспешила встретить неожиданного посетителя.

Когда она спустилась вниз, старый дворецкий со слезящимися глазами уже закрывал обшарпанную парадную дверь, а в холле стоял промокший до нитки человек с большим узлом в руках.

– Духи всего мира, пусть я опоздал на похороны драгоценного шурина, но держать меня столько времени под дождем, Дона, это уже слишком!

Хозяйка дома внимательно присмотрелась к гостю.

– Киро? Это ты?

– Конечно, это твой любимый блудный брат, Донателла. – Гость раскачивающейся походкой, выдающей в нем моряка, прошел в гостиную к камину и опустился в продавленное кресло.

– Что-то пусто и холодно у тебя здесь. – Он принялся. – И пахнет не очень. Неужели твой муж ничего тебе не оставил?

Донателла первые секунды молчала, ошеломленная неожиданным появлением брата, по которому в последние годы даже скучать перестала.

– Средств действительно мало, – наконец ответила она. – Однако у мужа не было близких родственников, насколько я знаю, и теперь стоит вопрос, кто унаследует имение.

Киро огляделся.

– Эту развалину? Действительно, отличный кусок. Постой, Дона, у вас разве не было детей?

Ее глаза подозрительно заблестели, и она отвернулась. Киро вздохнул:

– Получается, я как нельзя вовремя. Посмотри, что я нашел у порога твоего так называемого замка.

Донателла удивленно повернулась к нему. Киро развернул свой узел, оказавшийся плащом, и Донателла каким-то сверхъестественным чутьем догадалась, что, точнее, кого, принес ее брат.

– У... моего замка? – переспросила она.

– Ну, тебе лучше знать, кто из твоих слуг развлекался последнее время, – пожал плечами Киро. – И позови-ка кого-нибудь, иначе эта несчастная совсем замерзнет. Ей от силы пара недель от роду.

Донателла подошла к нему, резко отдернула полу плаща, и пару мгновений смотрела на красное сморщенное личико.

– Бог мой, ей так плохо, или она спит?

– Пока спит, – кивнул Киро.

Донателла вдруг почувствовала, как в ней что-то надломилось. Не принесшие счастья годы замужества, собственное бесплодие, постоянные финансовые проблемы и попытки свести концы с концами, вконец подкосившие похороны скучного и давно больного мужа – в данный

момент все это воспринималось как долгая полузабытая дорога к этой ночи, когда буквально из небытия появился брат, принес на руках ее будущее. Донателла быстро взяла ребенка на руки и побежала к кухне, на ходу отдавая распоряжения немногочисленным слугам.

Послав мальчишку за кормилицей, Донателла и горничная Алессия грели воду.

– Госпожа, взгляните, какие чудные у нее пеленки.

Киро, устало сгорбившийся у очага, поднял голову.

Донателла оставила воду и подошла к ребенку. Влажные лоскуты были явно из дорогой ткани, а по краям шел затейливый рисунок. Донателла сощурилась и присмотрелась.

– Киро, – внезапно севшим голосом позвала она брата.

– Что случилось?

– Посмотри.

– Хм. Значит, я ошибся насчет распушенности твоих слуг. У них таких пеленок не бывает, да и у крестьян тоже.

– Киро, а вдруг она потерялась? Ее потребуют вернуть?

– Дона, какие глупости! Или ее твои соседи-графы потеряли? Кстати, ни у кого из них нет похожего герба? – Он разгладил ткань пеленок.

– Я никогда такого не видела. Киро, как же она здесь оказалась?

Ответом ей был тихий писк проснувшейся малышки.

– О Млет! Где же кормилица? Алессия, может, дать ей хотя бы воды?

Донателла осторожно взяла ребенка на руки, от чего та еще больше раскричалась.

– Киро, что мне делать, почему она кричит?

– Наверное, голодна. Дождись кормилицу. – Киро нахмурился, вертя в руках что-то маленькое.

– Что это?

– Похоже на украшение. Выпало из пеленок. Посмотри.

Донателла прижала хныкающего ребенка одной рукой к груди, а второй взяла у брата маленькую змейку из темного металла с рубиновыми глазами.

– Как красиво.

Она вопросительно смотрела на брата, но он молчал, кусая губы. Прибежала Алессия с водой, которую она перелила в чашку.

– А как мы ее накормим? Она же не может пить! – воскликнула Донателла.

– Прекрати панику, – раздраженно бросил Киро, оторвавшись от созерцания огня в очаге. К счастью, в это время появилась кормилица, здоровенная крестьянская девка, которая недавно родила третьего ребенка. Донателла облегченно вздохнула.

– Алессия, проводи ее в мою комнату, там хорошо натоплено. Пусть там будет детская. – Донателла запнулась. Она уже не верила, что у нее в доме когда-нибудь будет детская. – Разберитесь, что еще нужно для ребенка, и доложите мне. Завтра утром надо будет съездить на рынок у Башни и купить все необходимое.

– Теперь тебе незачем беспокоится об имени, по крайней мере, пока, – заметил Киро.

Он поудобнее развалился в старом кресле, хотя это было не так просто, потому что кресла, как и все в этом замке, пора было выбросить.

– Придется выгнать еще пару слуг, – сказала Донателла. – Для девочки кроме кормилицы будет нужна нянька, а также одежда и многое другое. У нее есть только пеленки, в которых ты ее нашел. Может, Алессия согласится быть нянькой?

Киро снова нахмурился, как тогда на кухне. Донателла вспомнила об украшении в виде змейки и о том, что брат так и не рассказал ей о своей догадке по этому поводу.

– Киро, ты узнал что-то о ней, ведь правда? – попыталась она подтолкнуть его к беседе.

– Я могу ошибаться, потому что это невозможно, – сказал Киро.

– Ты знаешь, чей это ребенок? – продолжала допытываться Донателла.

Киро рассмеялся, только смех звучал натянуто.

– Существует обычай заворачивать в пеленки с новорожденными фигурки духов-покровителей... Нет, я точно ошибся, забудь, – повторил Киро.

– Мой покойный муж говорил, что невозможного на свете не существует, – сказала Донателла. – В любом случае, я не брошу Кьяру, кем бы она ни была.

Киро быстро посмотрел на сестру.

– Ты дала ей имя? Красивое.

Донателла потерла лоб, продолжая вопросительно смотреть на брата.

– Змея считается духом-покровителем илехандской правящей династии Фершланге, – мрачно сказал Киро. – Я достаточно ходил под штандартом их герцога, чтобы помнить это.

Взгляд Донателлы наполнился ужасом.

– Но как же тогда она оказалась перед воротами моего замка? Кто она?

– Спроси что-нибудь попроще.

Женщина надолго замолчала, пытаясь привести в порядок мысли. Она решила оставить себе ребенка, и сейчас Донателле казалось, что над ее головой сгущаются темные тучи, присутствие которых и она с Киро, и Кьяра будут ощущать еще очень долго.

А Киро в свою очередь думал о том, что через несколько дней его снова потянет покинуть сушу и выйти в море. Чудесно появившийся ребенок будет расти в замке его сестры. А потом... так далеко Киро не умел заглядывать. Море не любит тех, кто отвлекается от настоящего. Киро перевел взгляд на Донателлу и ободряюще кивнул.

– Думаю, со временем все решится. И слуг выгонять не обязательно. Во время своих путешествий мне удалось скопить некоторую сумму. Мне много денег ни к чему, а тебе теперь пригодятся.

– Спасибо, Киро. Только не пропадай опять надолго, навещай иногда племянницу.

– Обязательно. – Он пошевелился в кресле. – А ты выброси эту рухлядь, и твои кости скажут спасибо.

Окрестности столицы Суриды, Хвост Пчелы, 13 лет назад

– Немедленно слезай с дерева, маленькое чудовище! – в сотый раз, надрывая и без того больное горло, прокричал Вито. – Иначе мы уйдем без тебя.

– Да очень надо было! Я вас и здесь подожду, – послышался тоненький голосок из густой листвы.

– Не подождешь, здесь водятся дикие звери. Они не прочь полакомиться маленькими противными и непослушными девочками. – Вито помолчал и, поняв, что угроза не подействовала, проорал. – Фике, иди сюда, мы опаздываем из-за тебя!

– Очень надо, – повторила девочка. – Лучше мы пойдем вместе, и вы не опоздаете.

Вито всплеснул руками и повернулся к Хенрику, который сидел под тем же деревом и лениво ковырялся в зубах.

– Ты вконец ее избаловал, – заметил он. – Прикажешь теперь лезть за ней на дерево?

– Да уж сделай милость, – проворчал Вито. – Сам я стар для таких фокусов.

Хенрик со вздохом встал и посмотрел вверх, где в листве скрывалась упрямая девочка.

– Фике, или ты спускаешься на землю сама, или мне придется спустить тебя.

После короткой паузы послышалось сопение и вопрос:

– Почему мне нельзя пойти с вами, папа?

– Я уже объяснял тебе, что это очень опасное задание. Девочкам твоих лет не место в той мясорубке, куда мы направляемся... – начал Вито.

– Но, папа, мне уже почти восемь!

– Ох, скажите на милость, какая взрослая! Заканчивай валять дурака и слезай, мы отвезем тебя к мамаше Дерье.

– Я не хочу в ее гадкий кабак! Там воняет, а ее внуки – занудные и противные!

– Тебе же там раньше нравилось, – опешил Вито.

– Я не хочу больше играть с малышкой. С ними даже подраться нельзя!

– Проклятье, Фике, мне больше не с кем тебя оставить. Слезай, поедem в город, мамаша Дерья испечет пирог. Потерпишь немного.

Фике ничего не ответила, и Хенрик стал уже присматриваться к наиболее крепкой ветке, когда сверху послышался шорох, и посыпалась листва.

– Ну, слава всем воплощениям Бога.

Оказалось, что Вито радовался преждевременно. Фике показалась на нижних ветвях дерева, посидела немного, а потом лихо спрыгнула вниз и, прежде чем Хенрик или Вито успели ее схватить, опрометью кинулась в чащу леса.

– Ты куда собралась? Эй, стой!

Напрасно. Строптивая девочка словно пятки салом намазала, только кусты затрещали.

– Проклятье, Хенрик, ну что мне с ней делать? Выпороть?

– Давно пора.

– У меня рука не поднимается, может, ты ее накажешь?

– Я тем более не могу.

– Почему? Не тебя она отцом зовет...

Хенрик пристально посмотрел на Вито.

– Ты знаешь, почему.

Вито нахмурился и почесал бороду, потом в свою очередь взглянул на друга и неожиданно улыбнулся.

– Рука не поднимается на королевскую особу?

– Это не смешно, – прошипел Хенрик.

– Какая же из нее принцесса – посмотри на нее, – продолжал смеяться Вито. – Похожа на уличного мальчишку.

– Как будто с нами из нее могло вырасти что-то другое. – Хенрик вздохнул. – Может, надо было вернуть ее?

– Ох, смотрю, вырос ты, а ума так и не набрался. Лезть в разборки высоких особ и магов вредно для здоровья. И для здоровья Фике в первую очередь. – Он помолчал. – Поищем ее, пока она ничего не натворила. Как бы не опоздать.

– Встреча в странном месте, и платят вдвое больше обычного.

Вито хмыкнул.

– А нам не все равно?

– Действительно.

Вито вдруг насторожился.

– Ты слышишь?

– Слышу. Фике опять нашла приключения.

Они бегом кинулись к месту, откуда доносились голоса. Их взору предстала широкая поляна, залитая солнечным светом, на которой действительно обнаружилась Фике. И с кем! Вито и Хенрик остановились, изумленные и растерянные.

По краям поляны стояло несколько вооруженных людей в одежде, знакомой всем жителям Суриды – зеленой с золотом форме охраны дворца эмира. Здесь же паслись великолепные лошади. А посередине поляны на пестрых коврах расположились люди в ярких и красивых одеяниях. Ближе всех к Вито и Хенрику и, соответственно, к стоящей тут же Фике находились высокий темноглазый и темноволосый юноша в ослепительно белых шальварах и серебристом верхнем фередже. Рядом топтался светловолосый мальчик лет десяти, у которого в руках была сабля, слишком длинная для его роста. Справа, сложив руки на груди, стояли мужчина, похожий лицом на юношу, и женщина, а поодаль сидели три девочки разного возраста в ярко-зеленых одеждах. Двое постарше оживленно шептались между собой, держа за руки малышку лет четырех.

– Какой забавный ребенок, – улыбнулась женщина.

Хенрик и Вито повернулись к ней и на пару секунд застыли, не в силах оторвать глаз от той, которая показалась им наваждением из другого, более совершенного мира. Женщина была удивительно красива. Легкий фередже нежного персикового цвета невесомыми складками подчеркивал линии ее фигуры, а волосы, прикрытые усыпанной драгоценными камнями феской и струящимся за ней небольшим покрывалом, отливали на солнце редким жемчужным оттенком. Благородные черты, ровный овал лица, матовая кожа и глаза цвета весенней зелени притягивали взгляд. Неудивительно, что стоящий рядом с женщиной мужчина тоже постоянно смотрел на нее. И Вито, и Хенрик на мгновение страшно позавидовали этому господину, который, похоже, был ее мужем. Сладкий миг любования прервал голос Фике, которая, к ужасу Вито, разговаривала с мальчиком, держащим саблю:

– Нормально, мне нравится, но у моего папы есть получше.

– Ничего ты не понимаешь! У моего брата лучший оружейник во дворце, и вообще, что может знать девчонка о таких вещах! – оскорбленно воскликнул мальчик.

– Очень даже много, не хуже мальчишек!

– Фике, немедленно иди сюда, оставь господ в покое, – шикнул на нее Вито, предвзвешенно поклонившись собравшимся. Он начинал догадываться, кого именно нашла в лесу Фике, и то, что она спорила с ними о достоинствах оружия, заставило бесстрашное сердце Вито провалиться почти до пяток.

– Это ваша девочка? – неожиданно спросил мужчина, посмотрев на Вито.

– Да, хан эфенди, это моя дочь.

– А мы сначала подумали, что это мальчишка, – весело хихикнула одна из девочек в зеленом платье.

– Вы извините нас, хан эфенди, мы уже уходим. – Вито еще раз поклонился и схватил Фике за руку.

– Ну, папа, – начала Фике, но Хенрик подхватил ее за другую руку, и ей ничего не оставалось, как подчиниться и уйти с поляны.

Шли они быстро, но Хенрик успел услышать фразы, которыми обменялись люди, оставшиеся на поляне.

– Банда наемников. Вы заметили, какое чумазое лицо у девчонки? – сказала одна из юных дам в зеленом.

– Симпатичное создание, правда, отец? – раздался молодой голос, видимо, говорил юноша в белом.

– Обычный ребенок, очень общительный, – отозвался тот.

– И грязный, – вставила девочка.

– Папа, давай измажем Джайлан в глине, и она тоже будет похожа на наемника.

Больше Вито ничего не слышал, и был несказанно рад, что они с Хенриком вовремя нашли Фике, пока она не ввязалась в драку со знатным мальчишкой.

Несмотря на бурные протесты, Фике была отправлена в город к ненавистой мамаше Дерье и ее внукам. Девочка явно никак не могла понять, за что так злятся на нее взрослые, что плохого она сделала, кроме того, что в очередной раз была упряма и непослушна. По дороге Вито на ее вопросы только возмущенно восклицал:

– Подумать только, лезть со своими разговорами о саблях в королевскую семью!

– Куда? – не поняла Фике.

Вито только досадливо махнул рукой и молчал до того, как они пришли к мамаше Дерье. Когда Фике поела и устроилась, а Вито и Хенрик собирались уходить, она остановила их:

– Папа, а что значит королевская семья?

– Это семья правителя государства, Фике, они стоят выше любого дворянина. У меня на родине правителя называют королем, а здесь в Суриде, он зовется эмир. У него есть сын, который когда-нибудь тоже станет эмиром, а также другие дети, сестры, братья и остальные родственники. Я думаю, что молодой человек, сабли которого тебе так приглянулись, это племянник эмира, сын его сестры.

Фике нахмурилась, словно серьезно задумалась о чем-то:

– И он потом будет эмиром, будет править страной? – спросила она.

– Может быть.

– А этот мальчик и красивая женщина, и девочки в ярких платьях – это тоже семья эмира?

– Думаю, да.

– А у меня есть только ты, папа. – Фике еще больше наморщила лоб, и Хенрик почувствовал беспокойство. – Почему у эмира так много всех, а у меня нет? Потому что он правитель, так что ли?

Вито застыл, в замешательстве почесывая бороду. Он присел рядом с дочерью на порог трактира.

– Знаешь, Фике, люди все разные и жизнь у них разная. Вот, например, почему у одного цветка пять лепестков, а у другого восемь? У эмира должно быть много родственников, иначе ему будет трудно управлять страной. А нам друг друга вполне достаточно, не так ли? – Вито шутливо взъерошил волосы на голове Фике и обнял ее.

– Да, папа, – согласилась девочка, однако Хенрик понял, что Вито не удовлетворил ее любопытство. – А что такое воз... возмездие?

Руки Вито застыли на плечиках девочки.

– Это сложно. Почему ты спрашиваешь?

– Та красивая женщина говорила мужчине, – ответила Фике. – Сказала: Орхан боится этого... воз-мездия. Всю жизнь боялся. А мужчина сказал: нам нечего бояться. Вот.

Вито вздохнул, погладил Фике по голове и снова прижал к себе.

– Не беспокойся, эти слова ничего не значат. Не всегда надо слушать, что говорят другие люди. Мне и Хенрику пора идти. Увидимся через несколько дней, малышка.

Они отошли на порядочное расстояние от трактира, когда Вито взорвался.

– Проклятье, Хенрик, она уже не маленькая и многое понимает!

– Боишься, она будет разочарована? В конце концов, ты тоже ее отец. Ты вырастил ее и не дал умереть от голода и холода.

– Надо было ей наткнуться на пикник эмировской семьи! – в сердцах воскликнул Вито.

– Я заметил только одну божественную красавицу, – мечтательно произнес Хенрик.

Вито покосился на него.

– Мечтай дальше. Это, конечно, не дочь эмира, но и не твоего поля ягода, это точно.

– А ты знаешь, кто она?

Вито закинул голову назад и расхохотался.

– Хенрик, ты ума лишился? Не спорю, очень красивая женщина, но тебе-то какой с этого прок?

– Мне интересно, – обиженно произнес Хенрик. – Ты дольше меня живешь в Суриде и должен знать королевский двор.

– Дружище, местные властители не пьют в грязных кабаках, так же, как и у нас на родине. У меня в Тусаре, по крайней мере, – шутливо заметил Вито и снова прыснул от смеха, глядя на Хенрика. Но следующая фраза друга заставила его остановиться и согнуться пополам, держась за готовый развязаться от хохота живот.

– Хотелось бы знать, так ли уж сложно вступить в гвардию эмира.

Отсмеявшись, Вито вытер выступившие на глазах слезы и посмотрел на Хенрика:

– Прости, просто представил тебя в зеленом, воющего серенады под окнами дворца.

– Все бы тебе издеваться, – сквозь зубы процедил Хенрик.

Вито с размаху хлопнул его по плечу, едва не вбив в землю.

– А женщина и вправду хороша. И я, похоже, понял, кто она такая. Это знаменитая Гюльбахар ханым эфенди. Я слышал о ней от одного мага, собирающего дворцовые сплетни. Думаю, он давно в мире духов.

– Ханым эфенди... Она из семьи династии, – уныло произнес Хенрик.

– Вроде того. Здесь многие шахи вилайетов родственники эмира, но не кровные. Сын Гюльбахар ханым эфенди, мальчишка, с которым чуть не подралась Фике, младший сын Первого Визиря Серхата паши, шаха вилайета Сэдыр.

Хенрик растерянно заморгал, глядя на Вито.

– Слушай же: тот молодой человек в белом – сын сестры эмира, которая давно умерла. Ее муж, Первый Визирь Серхат паша, женат сейчас вторым браком, как раз на твоей ханым. – Вито подмигнул. – При дворе ее долгое время считали выскочкой: вроде наверх поднялась она только благодаря двум бракам и, понятное дело, своей красоте. Но все так боятся Серхата паши, что не смеют и пикнуть о подобном.

– Ладно, – с притворной грустью вздохнул Хенрик. – Придется мне провить свои серенады тебе. Ты должен оценить их пригодность для блистательной ханым эфенди.

Он отскочил от локтя Вито, который целенаправленно шел ему в бок и рассмеялся.

– Млет с тобой, – усмехнулся Вито. – Восхищайся своей прекрасной дамой, только не забудь об увесистых кошельках наших клиентов. Скоро нам придется отбивать жирное брюхо одного из них от очень нехороших и кровожадных разбойников.

– Может, и нам в разбойники податься? Хотя мы мало от них отличаемся. Да, Вито, а у эмира нет сыновей?

Вито опять покосился на друга.

– Интересно ты заговорил. Говорят, до недавнего времени не было. Три жены в мир духов отправились, а здоровых наследников не родили. Сейчас вроде есть маленький сын. А предыдущий наследник давно умер. Как и брат эмира, который погиб как-то нехорошо.

– Принц Карим? – переспросил нахмурившийся Хенрик.

– Да нет. Другой, старший. Эмир-то сначала не был наследником престола. Слушай, Хенрик, я не сильно во всем этом разбираюсь. А ты и Фике меня сегодня вдвоем тревожите. Надо проследить, чтобы она поменьше языком болтала. Тем более, о Серхате паше.

– Орхан – это эмир?

– Он самый.

– Какого же возмездия он может бояться? – задумчиво сказал Хенрик.

– Перестань, – жестко сказал Вито. – В такие дела лезть опасно.

– Наверное, – пожал плечами Хенрик. – Мне просто интересно.

– Держал бы ты свой интерес при себе. Как и мечты о Гюльбахар ханым эфенди. Поверь мне, старому, я знаю, о чем говорю.

– Вито, но Фике все равно надо будет рассказать правду. О том, как мы нашли ее.

– Пока не время, Хенрик. Хотя, видит Млет, я начинаю думать, что ты прав.

– Конечно, прав. Мы не можем оставить все так навсегда.

– Посмотрим. Подождем еще пару лет. А пока подумай лучше о предстоящем деле. И ни слова больше об эмирах и шахах. Не накликай беды на наши головы.

Шестая Башня, герцогство Морская Длань, Илеханд, 25 день Носа Оленя 10 лет назад

Дитер вышел из аудитории, мягко закрыл за собой дверь и внезапно вспомнил свой сон. Как бывало и раньше, какое-то случайное движение, промелькнувшая тень, отголосок фразы вызвал в памяти то, что гуманный разум после пробуждения упорно заставлял забыть. Дитер устало прислонился к стене, но тут же выпрямился. В самом деле, он уже не испуганный подросток, который впивался зубами в подушку каждую ночь после того страшного дня... Но какого дня? Став старше, Дитер стал понимать, что события, на первый взгляд, казалось бы, не связанные между собой, на самом деле имеют четкую и определенную последовательность.

Дитер, медленно пошел по коридору, в который раз за последние годы размышляя о том странном стечении обстоятельств, которое за одну неделю перевернуло всю его жизнь. Когда он зашел в общий холл, то первое, что ему бросилось в глаза, роскошные астрономические часы – предмет законной гордости, доставшийся когда-то в наследство от Пятой Башни. Губы Дитера сложились в понимающую усмешку. Двадцать пятый день Носа Оленя. Неудивительно, что скверный сон снова посетил его.

Молодой маг присел на край дивана и стал просматривать бумаги, стараясь чтением прогнать тяжелые мысли. В следующем году Магистр Андреас обещал ему дать право преподавания. Очень неплохо, если учитывать, что таких молодых наставников в Башне уже и не осталось. Дитер знал, что он далеко не гениален, и успеха он добился, благодаря своим стараниям и огромному терпению. Дитер вскинул голову, и конспекты упали на пол. Маг, глядя перед собой невидящими глазами, собрал их, потом встал с дивана и направился подышать свежим воздухом.

«Да, терпение – великая добродетель и самая полезная вещь в мире», – размышлял Дитер, когда немного успокоился. Интересно, как использовала свое врожденное терпение Чичек, которую через год после тех ужасных дней направили учиться в Третью Башню, чтобы там она смогла совершенствовать свой ментальный дар. Магистр Андреас упоминал, что Чичек через несколько лет будет преподавать, и что она ведет какую-то сложную научную работу. «Если бы не я, она до сих пор бы действовала на нервы наставнику Урсуле, и та не пустила бы ее дальше ассистентки». Неприятно, когда на твоих несчастьях обретают славу другие, однако у Дитера на данный момент было то, что компенсировало застарелую боль, обиду, тревожные сны, долгие и нудные часы, посвященные учебе. Это было будущее, с недавних пор вновь раскрывшее Дитеру свои полные надежд и одновременно обманчивые объятия. Только он, Дитер, больше не даст себя обмануть и сам позаботится о том, чтобы судьба подстраивалась под него.

Хотя глупости все это! Нет никакой судьбы! Разве было написано на роду придворного мага Стефана Леманна, что он сойдет с ума до такой степени, что решится на государственную измену? Разве барон и баронесса Майеры должны были умереть в грязной тюрьме? За какими злобными духами они связались с негодяем? Разве может судьба так круто разворачивать человеческие жизни, как в то утро, когда Магистр Андреас получил вести из столицы?

Дитер помнил, как входил в его кабинет и был еще баронетом, наследником богатых земель, огромного состояния и, что самое главное, перспектив головокружительной карьеры. Через каких-то десять минут он оказался нищим сиротой и сыном предателей.

– Ты, конечно, понимаешь, Дитер, – сказал тогда Магистр Андреас, – что создавшееся положение не повлияет на твою учебу, по крайней мере, я на это надеюсь. Ведь все зависит только от тебя.

– Не стоит утешать меня. Я и сам знаю, что ниже дна не падают. Мои родители изменники, мое наследство ушло в казну.

– Ты несправедлив к себе, Дитер. В том, что случилось, нет твоей вины, поэтому ты лично никуда не падал.

Он уже собирался выйти за дверь, чтобы остаться в одиночестве и до конца осмыслить свое положение, но последние слова Магистра остановили его.

– Я? Лично? А кто я теперь такой? Обычный кусок мяса?

Андреас покачал головой.

– В тебе есть твоя собственная сущность: дух, сознание, душа, интеллект – называй, как хочешь. Только от того, как ты живешь, что при этом делаешь, сколько стараний прикладываешь, зависит, умрешь ты героем или ничтожеством. Пока ты слишком юн, чтобы осознать, что титул и влиятельные родители – это еще не все, хотя, не спорю, очень многое. Через несколько лет ты оценишь мои слова, а пока рекомендую их просто запомнить.

И Дитер запомнил. Запомнил, несмотря на ужасные ночи, проведенные на мокрой от слез подушке. Несмотря на мысленные проклятия, посылаемые мятежному Стефану Леманну, хотя он и так уже был мертв, королевскому двору за то, что не сумели вовремя остановить предателя, мертвому принцу Кариму за то, что тот не спас всех принцесс и погиб сам, и даже Чичек за ее предсказания. А с недавних пор Дитера начала мучить еще одна тайна: он не понимал, как его родители могли покончить с собой и навлечь тем самым такой дополнительный позор на свой и без того обесчещенный род? Может, все проще, и их убили?

Дитер не сомневался, что придет время, и он найдет тех, кто прервал жизнь его родителей и принес им посмертный позор. Скоро ему исполнится двадцать три года, времени еще много, он подождет.

Из глубокой задумчивости Дитера вывел тихий голосок:

– Я искала тебя, а ты стоишь здесь, мерзнешь.

На него снизу вверх смотрела девочка лет десяти, худенькая с печальными глазами болотного цвета.

– У тебя разве нет вечерних уроков, Ильза? – улыбнулся ей Дитер.

– Нет. Сегодня день темный, постоянно идет дождь, и мы зеваем в классах. Поэтому нам сказали идти отдыхать.

Дитер присел рядом с ней на корточки и потрепал по макушке.

– Почему же темный? Посмотри в зеркало: у тебя волосы цвета солнца, они не дадут спать даже в самую плохую погоду.

«Как в ту ночь, когда мы нашли тебя», – вспомнил Дитер.

– Ты придешь сегодня поиграть со мной? – спросила Ильза.

Дитер улыбнулся:

– Да, и у меня есть отличная идея. Я научу тебя играть в корабли. Только обещай мне, что хорошо поужинаешь. – Он взял Ильзу за руку, и они вышли с балкона.

– Я обещаю. А что такое корабли? – Ее глаза стали зелеными от любопытства.

– Это интересная игра для очень умных девочек. Если ты начнешь играть в нее сейчас, то потом будешь обыгрывать своих сверстников, которые будут жутко завидовать тебе.

Молодой человек с девочкой пересекли общий холл и удалились в коридор, ведущий к жилым помещениям. Им в след уже не смотрели заинтересованные глаза, за несколько лет к ним привыкли. Молодой маг, ушедший глубоко в учебу и не стремящийся общаться с окружающими, и маленькая девочка, которую чурались ее сверстники, имеющая прекрасный дар, но ничего не знающая о своем происхождении. Более странную пару было трудно себе представить. Ими никто не интересовался, только Магистр Андреас с каждым годом все больше хмурил брови, когда видел бывшего баронета Майера, играющего с рыжеволосой Ильзой.

Столица Суриды, Хвост Змеи, 1 год назад.

Раскаленные мостовые большого города продолжали поглощать в себя солнечные лучи и немилосердно поджаривать подошвы прохожих, особенно тех, кто имел неосторожность остановиться, чтобы поболтать со знакомым или купить приглянувшийся в лавке товар. Хвост Змеи выдался чересчур лютым даже для жаркой Суриды.

Тучный купец, охая и ахая, часто окунал голову в специально поставленный рядом чан с водой, не забывая при этом зорко смотреть по сторонам в ожидании выгодных покупателей. На этот раз его внимание привлек роскошный паланкин, из занавесок которого показалась изящная женская рука и жестом приказала носильщикам остановиться. Купец потряс головой, обрызгав при этом стены лавки водой, и высунулся навстречу слуге, подошедшему к прилавку под навесом.

– Ханым желает приобрести мои ткани? Любые расцветки на ваш выбор. Если вы обойдете нашу благословенную столицу, то ни в одном уголке не найдете...

– О Шаллиах, укороти свой длинный язык, он надоедливее этого проклятого солнца. Ханым желает взглянуть на... – Слуга скользнул взглядом по товару и показал нужный кусок ткани.

Купец радостно закивал. Из этой редкой велийской парчи могло получиться роскошное платье, и стоила она немалых денег. Несмотря на проклятую жару, ему сегодня везло. Купец передал слуге образец и выжидающе стал наблюдать за паланкином, не забывая окунать голову в чан. Когда он в очередной раз мотнул головой, брызги полетели в вернувшегося слугу.

– Проклятье, – прошипел тот, однако дальше возмущаться не стал – на жаре хорошо немного освежиться. – Заворачивай все, что есть. Ханым эфенди понравился твой товар.

Услышав такие речи, купец, забыв про свой вес и жару на улице, чуть ли не вприпрыжку кинулся упаковывать ткань и выписывать бумагу об оплате. Когда он снова появился перед слугой, тот пытался прогнать с дороги какого-то человека, с виду явно проходимца.

– Это кто такой? – спросил купец, подавая завернутую ткань слуге.

– Не знаю. Здесь много попрошайек ходит, – пожал плечами слуга и начал отходить к паланкину.

Купец посмотрел на человека и подумал, что тот совсем не похож на нищего попрошайку. Он был высок и отлично сложен, фигура и движения выдавали воина. Только лицо у него было чересчур худое, запыленные темные волосы безжизненно висели, а глаза глубокого серого цвета запали, словно после долгих бессонных ночей. И одежда его давно истрепалась.

На мгновение купцу стало страшно. А вдруг это разбойник или грабитель? В такое среди бела дня верилось с трудом, но все-таки.

– Эй, если тебе нужны деньги, я сегодня добрый, могу подать. – Купец как можно приветливее улыбнулся.

Человек посмотрел в его сторону, как будто с трудом понимал, что ему говорят. Потом отвернулся и так же рассеянно пошел к мостовой, по которой двинулся как раз паланкин знатной дамы.

– Прочь с дороги! – прикрикнул на него слуга.

Мужчина посмотрел на него тем же непонимающим взглядом и не сдвинулся с места.

– Ты слепой или глухой? Отойди и дай проехать!

Человек посмотрел вверх на палящее солнце и неожиданно свалился на мостовую.

– Ну что ты будешь делать?! – сокрушенно воскликнул слуга. – Уберите его кто-нибудь.

– Постойте, – раздался голос из паланкина, и рука отодвинула занавески. – Айдын ага, посмотри внимательно, есть ли вокруг люди?

Слуга ошеломленно завертел головой.

– Н-нет, ханым эфенди. Только торговец...

Толстый купец испуганно замахал руками и сделал жест, мол, мой рот на замке.

– Но он будет молчать, – закончил слуга.

– Хорошо. Опустите носилки, занесите этого человека внутрь. И быстро, – приказала женщина.

Все было в точности исполнено, и паланкин продолжил путь по раскаленным мостовым славной столицы Суриды.

Последнее, что помнил Хенрик, было яркое убийственное солнце и какой-то человек, что-то ему говорящий. Потом наступила темнота, всего один раз прервавшаяся странной качкой и запахом невообразимо вкусных духов. В том, что это были именно духи и вкусные, Хенрик был уверен. Когда же он, наконец, открыл глаза, то понял, что теперь ни в чем не может быть уверен.

Он находился в прохладной комнате. Потолок был покрыт пестрыми узорами, а сам Хенрик лежал на чем-то очень мягком. Но самым странным были чарующие звуки струн, доносившиеся до его ушей.

– Я умер, – подумал он вслух.

В ответ раздался смех, и Хенрик заставил себя приподнять голову.

– Не шевелитесь. Ваша голова будет еще долго болеть, солнце сегодня злое.

Хенрик не послушался, повернулся на правый бок, чтобы рассмотреть источник голоса, заметил, что из одежды на нем только тонкая рубашка, но тут же забыл об этом. Напротив него на расшитых подушках сидела женщина и перебирала пальцами струны барбета. Хенрику хватило мгновения, чтобы глаза узнали ее, а сердце ушло в пятки и попыталось там скончаться от восторга.

– Мне стоит благодарить это солнце за красоту, которую я лицежрю. – Неужели это он произнес такие слова?

– Не льстите мне. Я не так молода, чтобы слушать восторженные вздохи незнакомца. – Она улыбнулась и снова тронула струны. Но Хенрику показалось, что женщина получает удовольствие от создавшейся ситуации и ей приятны его слова.

– Почему же я тогда здесь?

– Вы смутили бедного Айдына агу. Он не знал, как убрать с дороги ваше тело. Я посчитала своим долгом помочь ему.

– Вы смеетесь надо мной, – укоризненно сказал Хенрик, и снова пришел в ужас от собственного несдержанного языка.

– О нет, – сказала она, и ее зеленые глаза лукаво блеснули. – Я как примерная хозяйка должна заботиться о своих слугах. К тому же солнце чуть не убило вас у меня на глазах. Я просто не смогла проехать мимо.

– Даже мимо нищего проходимца? – спросил Хенрик, делая очередную попытку приподняться на локте.

Женщина наклонила голову на бок, при этом сережки в ее ушах тихо зазвенели.

– Да. Или вы против моего общества?

Хенрик неожиданно заметил, что покрывало, которым он был укрыт, сбилась ниже пояса. Он в смущении снова завернулся в него, однако женщина как будто ничего не заметила.

– Это невозможно, – ответил ей Хенрик.

– Приятно слышать, – сказала женщина. – Что ж, позвольте представиться, я Гюльбахар ханым эфенди.

– А меня зовут Хенрик. – Прозвучало это довольно глупо.

Женщина аккуратно отложила барбет, встала с подушек, подошла к софе и села рядом.

– Прекрасно, вот и познакомились, – улыбнулась она, и Хенрика накрыл знакомый вкусный аромат духов. В голове шумело после солнечного удара. Не вполне осознавая, что он

делает, Хенрик протянул руки и коснулся плеч своей спасительницы. Сейчас она оттолкнет его в возмущении, но женщина, казалось, того и ждала. Она склонилась над ним так низко, что ее дыхание касалось опаленной кожи. За последний час судьба настолько изумила Хенрика своими поворотами, что сопротивляться было уже бесполезно. Он рывком уложил женщину рядом с собой и принялся жадно целовать сладкие губы.

Много позже Гюльбахар приподнялась на локтях и почти целомудренно поцеловала Хенрика в четко очерченную скулу.

– Признаться, я кое о чем умолчала, – прошептала она. – Так получилось, что скоро состоится моя свадьба...

Хенрик расширил глаза и попытался сесть. Но его новоиспеченная любовница не позволила двинуться.

– И обращаться ко мне будут эмира хазретлери эфенди, – закончила она, лукаво улыбаясь.

Хенрик со стоном умудрился все-таки повернуться на бок.

– Почему я слышу об этом только сейчас? – с отчаянием произнес он, глядя в завешенную коврами стену. Королевская невеста. Он в постели будущей жены эмира Суриды. Так близко к смерти Хенрик не находился никогда.

– Прости. – Она прижалась к нему сзади и обняла. – Я опасалась, что ты сбежишь, услышав такое сразу.

– Будто мне есть, куда бежать, – пробормотал Хенрик, пытаясь справиться с телом, которое снова откликалось на прикосновения этой волшебной женщины.

– Это всего лишь сделка, – говорила Гюльбахар, скользя пальчиками по его груди и постепенно спускаясь вниз. – Эмир попал в сложное положение, ему пришлось устроить этот брак, а я согласилась помочь ему.

– То есть меня не удавят?

– Вряд ли. Но, боюсь, тебе придется присутствовать на свадьбе.

Хенрик все-таки сел и долго всматривался в узоры на коврах. Гюльбахар провела рукой у него по спине, едва касаясь кожи так, что он невольно вздрогнул. Потом снова обняла, положив голову ему на плечо. Хенрик ощутил волнуемый запах ее волос.

– Ты родился не в Суриде. Но я не заметила акцента.

– Неудивительно. Я долго жил в вашей стране.

– И ты много путешествовал?

– Ну... можно и так сказать. Но зачем вы... т... – Хенрик запнулся, прикрыл глаза и тяжело вздохнул.

Гюльбахар хрустально рассмеялась и разомкнула объятия, отодвигаясь.

– Несколько поздно вато именовать меня титулами, не находишь? – тихо спросила она.

– Зачем я здесь? – спросил Хенрик.

– Я думаю, ты мне нужен, – прищурилась Гюльбахар.

Хенрик резко повернулся к ней лицом.

– Все еще?

– Все еще, – ответила она и потянулась к его губам.

Жалящее солнце закатилось, и в комнате царил мягкий сумрак. Вечерний ветер шевелил шелковые занавески, донося аромат распустившихся к ночи цветов. Волосы Гюльбахар светились в полумраке, и Хенрик любовался ими, пока она с аппетитом доедала ужин.

– И все-таки я уверена, что мы когда-то встречались. Я хорошо запоминаю лица. – Она повернулась к Хенрику и вопросительно качнула птичьим крылышком.

– Спасибо. Я уже наелся. Встречались, но много лет назад.

Гюльбахар сама расправила с крылом неведомой Хенрику птицы и, откинув на одно плечо копну волос, потянулась за вином.

– Вы... ты со своей семьей выехала в лес на прогулку, и к вам неожиданно выбежала маленькая девочка. – Хенрик посмотрел на женщину и увидел, что она очень внимательно его слушает, и даже чуть нахмурила брови, пытаясь вспомнить. – Потом за девочкой пришел ее отец, вместе с ним был я.

– Это была веселая малышка с грязным лицом, а рядом стоял большой и бородатый мужчина, – медленно проговорила Гюльбахар. – Да, много лет прошло. И ты узнал меня.

– Ты не изменилась.

– Ты опять льстишь. У меня седых волос больше, чем украшений у женщин всего двора, – улынулась Гюльбахар. – А мужчина и девочка? Где они?

– Мой друг погиб, а Фике, его дочка... я не знаю. Я искал ее и не нашел.

Гюльбахар, забыв про птицу и вино, долго смотрела на него.

– А я дважды вдова, – вдруг сказала она.

– И эмир не побоялся? – ляпнул Хенрик и тут же зажмурился и пожелал своему языку отсохнуть. – Прости, ради Бога!

Но Гюльбахар, к его удивлению, громко и весело расхохоталась. Она отодвинула столик с ужином, подобралась к Хенрику, легла поперек его ног и потянулась, словно сытая довольная кошка.

– А ты не боишься? – со смехом спросила она.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*Не помню сам, как я вошел туда,
Настолько сон меня опутал ложью,
Когда я сбился с верного следа.
Данте Алигьери «Божественная комедия»*

Глава 1

Королевский дворец, Илеханд

– А вот и герцогиня Лючия. Прошу любить и жаловать. Девушка впервые покинула родину, поэтому будьте с ней внимательны и деликатны. Все понятно? – обер-фрейлина повысила голос. – И чтобы я не слышала о склоках и жалобах. Я лично буду докладывать ее величеству, как у вас идут дела.

– Мы позаботимся о герцогине, – закивали фрейлины. – Как вы могли подумать, что мы обидим кухню нашего принца? Идите к нам, дорогая.

– Уже вашего принца? – фыркнула обер-фрейлина. – Принц Джордано – гость ее величества и будущий жених кронпринцессы Вильгельмины. Извольте зарубить это на своих длинных носах, дамы.

Фрейлины, приняв в свой кружок новоприбывшую, не обратили никакого внимания на последние слова.

– Какое у вас роскошное платье.

– Вы пробудете здесь до отъезда принца?

– Расскажите нам о вашем кузене.

– А вы на него очень похожи!

– Нам так интересно!

– А ваш наследник престола такой же симпатичный, как принц Джордано?

Иностранная герцогиня растерялась под натиском вопросов и умоляюще посмотрела на обер-фрейлину. Та сочувственно пожала плечами, ободряюще подмигнула и вышла, оставив гостью на растерзание местному курятнику. Герцогиня Лючия обреченно вздохнула и застенчиво прикрылась веером.

– Принц Джордано очень любит собак, – произнесла она не слишком приятным гнусавым голосом. – Я слышала, что ваша принцесса тоже.

Поздно вечером, когда дворец готовился ко сну, в покои тусарского принца Джордано зашла его кузина. Она с трудом и неуклюже плюхнулась в кресло, поморщившись, сбросила с ног туфли и со стоном вытянула ноги. Веер полетел в сторону вместе с париком.

– Ну, как дела, Лючано? – поинтересовался принц, устраиваясь на краешке стола.

– Я, должно быть, сошел с ума, что согласился на такое. Это же просто невыносимо. Ты бы видел всех этих женщин! – ответил переодетый кузен хорошо поставленным низким голосом. – Этот проклятый корсет, в нем невозможно нормально дышать и сидеть. Мои бедные ноги. И я скоро сорву горло.

– Никто ничего не заподозрил? – взволнованно спросил принц, не обратив внимания на жалобы кузена.

– Пока нет, но это вопрос времени. Кто-нибудь обязательно догадается. Хотя бы та же обер-фрейлина Матильда.

– Так ты разговаривай поменьше, а слушай больше. Особенно про принцессу.

– Они не принцессу обсуждают, а тебя, – рассмеялся Лючано. – И не обещай я тебе свою помощь, фрейлины узнали бы много всего интересного.

Принц Джордано замер, а потом, поняв, что кузен шутит, тоже рассмеялся.

– Король Лоренцо нас убьет, когда узнает, – сказал герцог. – А мой отец замучает меня наравоучениями.

– Герцог Леонардо точно не узнает. А мой отец хочет, чтобы я женился, – отмахнулся принц. – И я как раз этим и занимаюсь.

– Говорят, что наследница престола плохо обращается со своими женихами, – хмыкнул герцог. – Не боишься?

– Она очень красивая, – вздохнул принц Джордано.

– Надеюсь, ты не пожалеешь. А то получится, что я зря мучаюсь. – Герцог принялся расплетать тугую косу темно-каштановых волос. – От этого парика у меня голова отваливается. Проще уложить собственные волосы.

– И кто тебе будет их укладывать, Лючано? Я? – в ужасе поинтересовался принц.

Кузен кисло на него посмотрел.

– Помоги мне хотя бы расшнуровать этот жуткий корсет.

– Для начала подружись с самой усердной сплетницей, вхожей в комнаты принцессы, – сказал принц, вскочив со стола и принимаясь за платье кузена. – Если ей интересно про меня, расскажи что-нибудь неважное. – Он закончил свое занятие, упал в кресло, свесив голову вниз, а ноги положив на спинку.

– Я попробую, – глубоко и с наслаждением вздохнул Лючано. – Главное, чтобы из наших никто не проболтался, что у тебя не кузина, а кузен. Если нас выставят в Тусар, я к королю не поеду. Будешь один отдуваться.

– Отец зачем-то прислал нового посла, – задумчиво покусал губу принц. – Не понимаю, чем его старый не устроил.

– Да? И кого же? – Лючано аккуратно массировал кожу головы пальцами, блаженно прикрыв глаза.

– Граф Марио Риччи вроде, – неуверенно сказал принц, переворачиваясь и садясь в кресле уже приличествующим его сану образом.

– Риччи... Риччи. – Герцог поднял глаза к потолку. – Не помню. О, а это не бывшие владельцы тех больших конюшен?

– Точно. Их род разорился, – кивнул принц. – Но зачем отцу сдался этот граф?

Герцог Лючано поднял с пола парик и задумчиво покрутил его на руке.

– Мало ли, какие таланты у этого графа. У принцессы-то скверная репутация. Да и фрейлины от тебя в нездоровом восторге. Вдруг помощь потребуется.

– Я предпочитаю твою помощь, – возразил принц.

– Тогда предлагаю выпить за успешное осуществление нашего заговора. – Герцог подкинул парик под потолок. – Доставай вино, Джордано. Я требую компенсации за свои сегодняшние и будущие страдания.

– У нас все получится, Лючано, – принц радостно бросился за бокалами. – Где наша не пропадала? Вот женюсь и найду тебе невесту.

Шестая Башня, герцогство Морская Длань, Илеханд

Больше, чем Малый совет, Магистр Дитер ненавидел только лекции, которые обязаны были читать юным адептам, взыскующим знания, все дипломированные маги, постоянно проживающие в Башне. И от той, и от другой повинности отвертеться было невозможно. Ибо, во-первых, это были древние традиции, во-вторых, фундаментальные основы, а в-третьих, жизненная необходимость. Пустые пафосные фразы – это третье, что Дитер терпеть не мог. В отличие от старого Магистра Андреаса, которого хлебом не корми, дай выступить на совете со всеми этими глубокомысленными переливаниями из пустого в порожнее.

По мнению Дитера, фундаментальные основы давно пора было реорганизовать. Громоздкая архаичная система обучения магов молила о перестройке. Так же, как и никому не нужная демократия Малого совета, управляющего внутренними делами Башни. Но, увы, времени у молодого Магистра на это не было и вовсе. Он и так последние месяцы спал через сутки. Потом, все потом. О, потом у него будет полно времени! А сейчас, скрепя сердце, приходилось тащиться с проклятых лекций на проклятый совет, теряя драгоценные минуты и бесценные часы.

Привычно сохраняя на лице выражение вежливой заинтересованности человека, облеченного полномочиями, Дитер толкнул тяжелые старинные двери и вошел в зал совета. За круглым каменным столом собрался весь цвет лекарской Башни – кучка стариков, любой из которых гораздо больше мог послужить науке в качестве лабораторного материала, со всем своим багажом возрастных изменений и хронических заболеваний. Дитер завидовал стихийникам, у которых уважающие себя маги до определенного возраста просто не доживали. В совете Магистра Роберта не наблюдалось никого старше сорока пяти лет. Здесь же самому молодому члену, советнику-администратору Себастьяну, давно перевалило за пятьдесят, а прочие почтенные медикусы были живым воплощением торжества современной магической медицины над разумом.

Дитер уселся на почетное место Магистра. Сколько сил было отдано, чтобы добиться этого заветного места! Сколько лет потрачено! Нет, не впустую, игра стоила свеч, иначе бы Дитер не стал разменивать свое время на то, чтобы очаровать блаженных старцев. Теперь все ресурсы Шестой Башни были в его руках. Два года склеп Магистра Андреаса украшает местное кладбище. Два года Дитер вязнет в болоте советов и лекций, мечтая разогнать всех, кроме повара, и запереться наедине с лабораториями и библиотекой. Конечно, ясно даже и ему, что такое невозможно. Это только название такое, Башня магов. На самом деле это огромное поместье со зверинцем, аптекарским садом, госпиталем и крематорием. Две дюжины магов, три десятка адептов и полторы сотни прислуги. Одних золотарей четыре штуки, помилуй Хор! И всем этим скотным двором надо управлять. А, значит, придется слушать зануду Себастьяна с подобающим выражением на лице и мечтать о том дне, когда он не будет нуждаться ни в ком в своей Башне.

Слава Хору, сегодня все закончилось сравнительно быстро и без лишних споров. Два часа списано из жизни, но зато теперь месяц можно забыть об этой нудной повинности. Все стенания выслушаны, все похвальбы розданы, все указания зафиксированы. Все счастливы и глубоко удовлетворены. Можно, наконец, заняться своей настоящей работой.

Дитер неспешно пересек внутренний двор, направляясь от главного здания к лекарственным оранжереям. Вспомнилось, как еще пару лет назад здесь копошились куры и бегали прачки с полными тазами белья. Теперь же ничего подобного и в помине не было, вся прислуга замка очень хорошо знала свое место. Наведение порядка оказалось самым простым делом в карьере Дитера: пару раз выписать плетей кому надо и дать четкие инструкции, как должно быть. Разумеется, маги сочли его методы излишне жесткими и публично не одобрили. Зато

результат понравился всем. Теперь центральный двор был превращен в ухоженный сад, где можно было предаваться размышлениям и беседам на высокоинтеллектуальные темы.

В этом году Пчела вылезла рано, и в саду уже расцветали миндаль и кинжальное дерево. Мощеные камнем дорожки среди яркой молоденькой травки были чисто выметены, а на солнечных местах пестрели разноцветные первоцветы. По дорожкам чинно прогуливались маги, на полянках самые маленькие ученики играли в салочки. За обширными кустами терновника, куда Дитер свернул по пути к аптекарскому саду, парочка адептов постарше распивала где-то добытую бутылку вина. При виде Магистра они забавно перепугались и попытались скрыть следы кошмарного преступления. Но Дитер лишь подмигнул молодежи и стал нарочито рассматривать легкие облачка в пронзительно голубом небе. Вдох облегчения, послышавшийся за спиной, вызвал у него улыбку. Молодой Магистр намеренно добивался любви среди будущих магов и недавно дипломированных специалистов. Ему нужно было сколотить собственную команду, достаточно смелую для любых экспериментов, и достаточно преданную, чтобы пойти за ним не только в огонь и в воду, но даже против Кодекса Магнума.

Свежий теплый ветер пьянил не хуже вина. Вспомнилось, как много лет назад, среди тех же кустов терновника, Дитер распивал тайком унесенное из погреба вино с подругой детства Чичек.

– Ты опять не спал? – В светлых с рыжеватым отливом волосах Чичек запутался луч солнца. – Пора избавиться от призраков прошлого.

– Тебе легко говорить, – обиженно отозвался Дитер.

Она фыркнула:

– Да само собой. Бастарды же самые счастливые люди.

– Извини. – Он отвел глаза. – Когда мне снится мама с веревкой на шее...

– А моя мать сгорела в пожаре, – неожиданно сказала Чичек.

Дитер вздрогнул и посмотрел на нее. Голубые глаза бесстрастно встретили его взгляд.

– Мне рассказал Магистр Андреас. – Чичек глотнула из бутылки. – Наставник Нурбахар в одиночку работала над каким-то сложным заклятием. Вероятно, что-то пошло не так, и в замке, где была лаборатория, вспыхнул пожар. Она умерла, а мой знатный отец никогда мной не интересовался. Твоя история все еще кажется тебе самой ужасной?

Дитер передернул плечами.

– А ты знала его? Своего отца?

– Кто ж его не знает? – улыбнулась Чичек, передавая бутылку Дитеру. – Эмир Орхан хазретлери эфенди.

– И ты не пыталась.... Никогда? – Дитер сам не понял, что хотел сказать, но подруга уловила его настроение.

– Все сложилось так, как сложилось. Нет смысла убиваться долгие годы, а тем более, прыгать выше головы. Жизнь дана нам не для этого.

Вино тогда они допивали молча.

Чичек права. Она вообще всегда была права, и это удручающее постоянство, в конце концов, развело их дороги. Жаль, но прорицательница мыслила чересчур ограниченно. Иначе бы он с удовольствием привлек дочь гениальной Нурбахар к своим исследованиям. А теперь она растрачивала свой талант на возню с младшими учениками в Третьей Башне.

В каменистой части аптекарского сада развалились пышные шапки хвойника. Дитер срезал несколько веточек с сохранившимися кое-где сморщенными рыжими ягодками и засунул в обширные карманы лекарской мантии. Паршивое средство и опасное, как ни посмотри. Но в определенный момент к экстракту хвойника прибегает любой увлеченный ученый. Надо только, как говорится, знать меру. Дитер и так мог долгое время обходиться без сна, и давно выработал привычку не спать больше четырех часов, да и то раз в два дня. Но сейчас ему было этого мало: время утекало сквозь пальцы, а он никак не мог перейти к активной фазе исследо-

ваний. Придется прибегнуть к легкой стимуляции, чтобы разгрести ворох накопившихся дел. Потом с чистой совестью можно будет проспать часов шесть и заняться, наконец, давно запланированной серией опытов.

А начинать разгребать этот навоз, разумеется, надо с самого неприятного: нанести очередной визит вежливости на корабль его светлости, кровопийцы Зигфрида Корфа. О, если бы его не сторожил этот ходячий мешок жира, Дитер поговорил бы с проклятым пиратом по-другому! И плевать на Кодекс Магнума и трибунал. Но магический поединок с советником Четвертой Башни Феликсом был сейчас непозволительной роскошью. Поэтому пришлось изобрести обходной маневр. Интересно, что думает сам Зигфрид о частых визитах Дитера? Наверное, решил, что Магистр набивается в нахлебники, как покойный Андреас к его отцу. И уж точно не догадывается, что стал подопытным кроликом в секретных изысканиях Шестой Башни.

Не дай Хор, Феликс учует отголоски чужой магии после этих посещений. Пока заклинание официально не утверждено на Большом совете, деятельность Дитера – прямой путь к трибуналу. Хотя на первый взгляд ничего особенного он не делает. Пациент исподволь начинает все больше и больше доверять лекарю, раскрывается перед ним, что естественно благотворно сказывается на процессе лечения. Так, по крайней мере, будет сказано в описательном трактате. А о том, что любое лекарство может стать ядом, дело лишь в дозировке, мы тактично умолчим. И доклад подготовим не раньше, чем добьемся от пациента «З» положительной динамики. То есть, когда Зигфрид Корф добровольно и с радостью отдаст своему дорогому другу Магистру Дитеру нужные тому вещи. Жаль, пират активно сопротивляется, а усилить воздействие мешает присутствие его сторожевого мага неподалеку. Ну, ничего, вода камень точит. А время вещь необычайно длинная, как сказал один мудрый человек.

Храм Хора, столица, Илеханд

В храме было тихо и пахло полевыми цветами. Несмотря на позднее время, на скамьях можно было заметить трех-четырех посетителей. Двое из них склонили головы, а еще двое смотрели прямо перед собой. Они все о чем-то просили Бога. У них у всех были проблемы, большие или мелкие. Но Хор не делит дела детей своих, так, по крайней мере, говорили священники.

На гулкий звук шагов из-за занавеси сбоку от алтарного Древа появился и местный служитель в традиционном коричневом одеянии с зеленой оторочкой по вороту, капюшону и рукавам.

– Процветание и мир тебе, – тихо сказал он.

– И тебе, почтенный отец.

– Что привело тебя в храм?

Священникам нередко приходится видеть извиняющуюся улыбку.

– Хотел бы я сам это знать. Возможно, мне надоела трехдневная попойка в честь наступления Макушки Пчелы. Потому как потом будет Хвост Пчелы, а потом Сезон Змеи, а потом уже в пору будет ложиться и умирать.

– Я вижу, ты желаешь поговорить, – кивнул священник. – Пройдем за мной.

В маленькой комнатке за занавесью горело множество свечей, и было душно. Неужели и в самом деле дошло до того, что необходимо поговорить со служителем Хора? Последний раз он был в храме на позапрошлом празднике Обновления Года. Да и то потому, что там присутствовала королева и высшая знать. Такое чувство, будто это было сто лет назад. Религия никогда не казалась верным способом решить проблемы.

– Я слушаю тебя.

– Видите ли, почтенный отец, я умер. И теперь мне с этим надо что-то сделать.

– Я вроде слышал, ты только собираешься ложиться и умирать.

А почтенный отец-то непрост. Еще и поддевает. Интересно, как он облегчает души пришедших к нему?

– Я лишился дома и семьи. Я временно живу в кошмарном месте. Денег мне одолжил мой, скажем так, родственник. Теперь я чувствую себя обязанным, и это постепенно сводит на нет все чувство благодарности. Я должен встретиться с одним человеком, но почему-то до сих пор не собрался. И мне стыдно. И еще я не привык, что помощи ждать неоткуда. Сам же я связан по рукам и ногам.

– Ты сам ушел из дома, или тебя вынудили?

– Меня пытались убить.

Священник помолчал, ощупывая его цепким взглядом почти черных непроницаемых глаз, а потом чуть-чуть, совсем незаметно, улыбнулся.

– Однажды почтенный бортник сидел у себя в саду, ел печеные яблоки с фисташками и изюмом и пил медовуху. Вокруг него роились пчелы, и немногие из них присели на блюдо с яблоками. Он махнул рукой, чтобы отогнать надоедливых насекомых, и случайно опрокинул кувшин с медовухой. Разгневавшись, он стал топтать слетевшихся на разлитый напиток пчел. Те разозлились и начали жалить его в ответ. Почтенный бортник схватил мухобойку и начал гоняться за пчелами по всему саду. Он вытоптал клумбу, сломал розовый куст и повалил столбик со своей трапезой, но все-таки перебил всех пчел. Потом он решил забить летки у своих ульев, чтобы другие пчелы не выбрались и не помешали ему снова насладиться медовухой. Но когда он приколачивал доску, улей треснул, рой вылетел из него и искусал почтенного бортника, несмотря на защитную одежду. Когда опухшего, с заплаканными глазами и вздувшимися волдырями его привели к лекарю, тот спросил, что случилось. И пока лекар извлекал из него

жала и ставил примочки с толченой петрушкой, почтенный бортник рассказал ему всю историю. Лекарь удивился и покачал головой: «Ты лишился ужина, растоптал свой сад, разорил свое хозяйство, ты весь искусан, раздулся, как бурдюк, и мог даже умереть. И ради чего все это?» «Зато я им отомстил!», – ответил почтенный бортник.

Некоторое время в комнате царила тишина, только потрескивали свечи из пчелиного воска.

– Месть неблагодарное дело. Мне понятно, почему со мной так поступили. Возможно, я это даже заслужил. Но вернуться, не причинив никому вреда, невозможно. Что говорят по этому поводу священные книги, почтенный отец?

– В Первой Истине говорится: живи сам и дай жить другим. Несправедливость же возвращается к тому, от кого произошла.

Еще одна пауза. Почему-то захотелось на берег моря послушать крики чаек. И заныла уже зажившая рана на затылке. Лечь бы сейчас на песок, закрыть глаза и ни о чем не думать.

– А еще в книгах пишут, что под лежащим камнем исток реки не родится.

Вот ведь спасатель душ человеческих, снова поддел.

– Если ты действительно желаешь вернуться.

Мысль была нелепая, но, учитывая персону священника, требовала обдумывания в ближайшую тихую ночь. Если таковая когда-нибудь наступит.

– А что бы ты сделал на моем месте, почтенный отец?

Опять еле заметная улыбка.

– Каждому человеку лучше находится на том месте, какое ему по душе.

– Часто обстоятельства рождения выбирают это место за нас.

– А на что же тогда Бог дал нам разум?

Слова смиренного служителя Хора, особенно последний повисший в воздухе вопрос, не шли из головы. Встретившие в трактире, где он снимал комнату, пьяные физиономии, грохот и вопли уже не так раздражали. Можно было пойти наверх, сделать попытку заснуть и заодно подумать. А если удастся поспать, то хорошо бы увидеть во сне чаек. Или красивую женщину.

Порт Хандёльф, Илеханд

– Поберегись! – крикнули откуда-то сверху, и в воду упало что-то большое и тяжелое, подняв кучу брызг.

Матросы, сидевшие в шлюпке, заржали. Один из них с размаху хлопнул веслом по воде, залив водой дно.

– Камбуз веселится, – с улыбкой объяснил капитан корабля.

Гость тоже криво изобразил улыбку и даже не поинтересовался, чем там кидались безумные коки не менее безумного корабля, на котором он имел несчастье плыть в течение нескольких дней. Хорошо, что эта пытка закончилась. Впрочем, капитан веселых психов оказался вполне интересным и дружелюбным человеком. Он искренне привязался к гостю и даже решил проводить его на берег.

– Капитан, – сказал один из матросов, – в прошлый раз эти уроды подсунили мне кошку вместо кролика. – Он кивнул на корабль, имея в виду, по всей видимости, тех самых коков, – Надо бы купить на рынке пару мешочков коры крушины и показать им, где черепахи зимуют.

– Только не в ущерб всей команде, – строго сказал капитан. – Иначе запрягу и заставлю «Злую скумбрию» по морю волочить.

– Так мы ж утонем, – возразил матрос.

– Зато взбодритесь, – парировал капитан корабля с подходящим названием.

– Мы долго в порту стоять будем, капитан?

– По обстоятельствам. Пока предварительно сбор через два дня в нашем же месте.

Гость был не любопытен. Он не спрашивал, чем занимается молодой капитан-капер и его безумная команда, что у них за «наше место», и что будет с камбузом после подсыпанного слабительного. Он был рад, что наконец-то его ноги ощутят твердую землю. И что он больше не увидит всех этих веселых глумливых матросских рож. Впрочем, никогда нельзя загадывать на будущее. Этот корабль и его капитан ему могли еще пригодиться.

Шлюпка причалила к берегу, матросы выскочили первыми, и один из них помог выбраться гостю. Матросы тут же разбежались по своим делам, с разрешения своего капитана.

– Удачи вам, – сказал гость, осматриваясь вокруг. Торговый порт Хандёльф был, как и полагается, большим и шумным. – Сколько до столицы?

– Верхом за шесть дней доберетесь. Только с лошадьми здесь туго. – Капер неожиданно подмигнул своему бывшему пассажиру. – Но я могу подсказать одно место.

– Буду премного благодарен, – отвечал гость. – До Морской Длани тоже недалеко?

Капитан вопросительно поднял бровь и громко рассмеялся.

– Я бы мог доставить вас прямо туда. Что же вы сразу не сказали? Вам в порт или саму резиденцию?

– В резиденцию. Видите ли, я сухопутный человек, в море первый раз побывал. – Гость улыбнулся и привычным жестом потер шрам над правой бровью. – Сами видели, что со мной на корабле было.

– Бывает, – хмыкнул капитан. – Но чтобы добраться до резиденции, вам придется пересечь на фелуку, пересечь залив и высадиться в порту Мительхафен. Оттуда до Морской Длани полдня пути. Могу вам дать один совет. Наш морской герцог купцов любит, особенно вино-торговцев, так что не бойтесь с ним торговаться. А в столице тем более не пропадете. Товар у вас, как я убедился, отменный!

– Благослови вас Бог за доброе напутствие, капитан, – чуть поклонился гость.

– Нужный вам трактир с лошадьми рядом с рынком. Там можно и подходящее судно зафрахтовать. Пойдете вот по этой улице прямо до площади, спросите «Летучую рыбу» и не

ошибетесь. Скажите хозяину этого прелестного заведения, что вы от капитана Ротмана. И не позволяйте ему себя обобрать. Он тот еще спрут.

Капитан снова подмигнул бывшему пассажиру.

– Как я смогу с вами связаться?

– Пришлите или письмо, или человека в этот самый трактир, – ничуть не удивился капитан. – Ну, прощайте.

Гость стоял и смотрел ему вслед, пока выгружали ящики с вином. Потом обернулся в сторону моря. «Злая скумбрия» спокойно покачивалась на волнах. Там веселились коки, не подозревая, что на них готовится дерзкое нападение. Но таких и слабительным не проберешь.

В чужой стране в большом порту гость чувствовал себя неуютно. Впрочем, пора привыкать. Столица Илеханда скоро станет его пусть и временным, но домом. Осталось только до нее добраться и не сгинуть без вести на каком-нибудь очередном корабле или в Морской Длани. Гость, задумавшись, снова потер шрам. Ничего, он и не с таким справлялся. Выживет. Главное, смотреть в оба. Заурядный невысокого роста купец вряд ли привлечет много внимания. Где там этот вертеп-трактир?

Глава 2

Королевский дворец, столица, Илеханд

Тайком попасть в королевский дворец было невозможно. Точнее, почти невозможно. Сложная архитектура замка, а также многочисленные посты охраны делали жизнь храброго шпиона или вора интересной, но недолгой.

Кьяре было неприятно чувствовать себя вором и шпионом. В башне, где она находилась в данный момент, было страшно жарко, и она обмахивалась старыми планами потайных ходов, благодаря которым смогла не заблудиться в подвалах и миновать охрану старого крыла. Ей пришлось пробираться в замок через подземелья, где было столько сырости и грязи, что сейчас любопытство Кьяры перекрывало острое желание помыться.

Интересно, кто и зачем вырыл эти жуткие крысиные ходы? Планы, которые Кьяра держала в руках, относились к временам бабушки нынешней королевы, а может и более ранним. Если в ту эпоху сделали эти чертежи, значит, подземельями активно пользовались. Кьяра вздрогнула, когда распалившееся воображение любезно открыло перед ней картину, где мрачные и таинственные фигуры в капюшонах медленно ступали по извилистым земляным коридорам, держа в руке свечи. А если кто-то заметит ее следы и догонит ее?

Кьяра нервно оглянулась и хотела уже пойти и по возможности уничтожить следы, но успела строго одернуть себя. Меньше глупых фантазий! Скорее всего, по подземным коридорам бегали принцы и принцессы на любовные свидания. Кьяра усмехнулась, и ей стало гораздо легче. Ее место назначения должно быть уже где-то близко. Почему же здесь стоит такая страшная жара? Ведь эта башня замка находится довольно высоко. Неужели здесь вообще нет окон? Кьяра опасалась, что свет могут заметить, хотя прекрасно понимала, что в старое крыло дворца никто не заходит, особенно ночью. Где-то в глубине души она осознавала, что боится зажигать свет, потому что не хочет увидеть нечто, чего не может даже вообразить. Поэтому она продолжала ощупью пробираться вперед.

Хорошо, что Зигфрид не догадывался, насколько она подвержена глупым страхам перед неизвестностью, сокрытой в темноте, и зловещими призраками в капюшонах и со свечками. Кьяра пыталась представить, как должны выглядеть апартаменты покойного придворного мага. Наверное, изыскано и таинственно. Кьяра поморщилась: ей не нравилось, когда она проговаривала про себя это слово. Она уже достаточно напугала себя в подземелье, чтобы струсить в башне мертвого мага. Ну вот, опять! Подумав о мертвом маге, она представила себе огромную, почти пустую комнату, заставленную только чем-то непонятным, похожим на алтари в храме и обязательно с бурыми пятнами, прямо как на плахе. И конечно в комнате должны чуть ли не физически ощущаться страх, напряжение и остатки колдовства.

Кьяра остановилась и постаралась укротить разгулявшееся воображение. Ну, скажите на милость, при чем здесь пятна крови и жуткое колдовство? Придворный маг занимался государственными делами и преспокойно жил и спал в своих роскошных комнатах, сопя и храпя, как остальные люди. Он был, конечно, как и все политики, интриган и честолюбец, но в жизни не занимался теми глупыми вещами, которые рисовало ей воображение. «Не совсем, – поправил Кьяру противный внутренний голос. – Стефан Леманн, последний придворный маг Илеханда, был настоящим злодеем и убийцей, а ты собралась ограбить его».

Зачем Зигфриду понадобились его вещи, особенно письма? Кьяра вспомнила, как он наставлял ее. «Нужны любые записи. А также какие-нибудь интересные вещи. Какие? На месте разберешься. Желательно, чтобы они выглядели... ммм... – Здесь Зигфрид сделал неопределенный жест рукой. Обычно это означало, что он знает, о чем говорит, но не имеет возможно-

сти или желания объяснить это собеседнику, – неожиданно в его комнатах. Представь, что ты нашла у меня корону эмира Суриды». – И он засмеялся.

Насколько знала Кьяра, Зигфрид торговал с Шестой Башней. Даже лично ее посещал, хотя чаще встречался с Магистром Дитером у себя на флагмане. Было бы очень любопытно посмотреть на жизнь в Башнях, но Хозяин Морской Длани не брал ее с собой. «Корона эмира, тоже мне», – со злостью подумала Кьяра, пытаясь отогнать страх. Она убеждала себя, что в комнатах нет духа мага, который отомстит за дерзкое разграбление своего имущества, что по коридорам не бродят призраки его жертв, и когда она найдет дверь и потянется ее открывать, ее не схватит кто-нибудь за руку.

При последней мысли Кьяра всхлипнула, высекла огонек и зажгла свечу. Перед ней действительно была дверь, в которую она рисковала врезаться носом, если бы продолжала идти в темноте. Кьяра недоверчиво посмотрела в план. Не может быть, чтобы она уже пришла. Она повертела бумажки, потрясла ими, осмотрелась кругом: сомнений быть не могло – это была дверь в апартаменты, которую не открывали почти девятнадцать лет. При этой мысли по спине Кьяры пробежала дрожь. Теперь оставалось сделать последний шаг – войти в комнаты.

Дверь, похоже, выламывали топором. Она изрядно покосилась на заржавевших петлях, а ручка была обломана. Кьяра несмело нажала на дверь, однако та не поддавалась. Кьяра перевернула плечами, снова почувствовала себя омерзительно грязной и резко толкнула дверь. Через образовавшуюся небольшую щель она проскользнула внутрь, держа впереди себя свечу.

Запах давно покинутого жилья, темная мебель, пыльные бока которой безжалостно выхватывал из темноты свет, – явление, обходившее стороной комнату уже много лет. Потолок прятался в тени, на недостижимой для света высоте. Кьяра подняла свечу повыше, но потолка не увидела, зато заметила дверь, зловеще сверкающую медными ручками. Чтобы не поддаваться вредным настроениям, Кьяра решила сначала осмотреть первую комнату. Она медленно прошла вдоль стены, рассматривая пыльную, но красивую мебель, потускневшие дорогие гобелены и резные ставни на окнах. Похоже, покойный маг был сибаритом. Кьяра подошла к огромному бюро, крышка которого болталась на ржавых петлях и провела рукой по ее поверхности, стирая пыль. Разумеется, те, кто проводил тут обыск много лет назад, забрали все самое интересное. Не понятно, на что рассчитывает Зигфрид, но надо ему принести хоть что-то.

Ей уже не было страшно, и она с любопытством принялась рассматривать содержимое многочисленных ящичков: раскрытые пустые шкатулочки, стопки желтых листов бумаги, куча перьев и баночек с высохшими чернилами, какие-то книги. Кьяра быстро просмотрела их и обнаружила, что это в основном описания божественных чудес и деяний пророков. Здесь же обнаружился потрепанный томик Последней Истины, что было символично. Девушка покачала головой: она никогда не смогла бы заподозрить в придворном маге излишнюю религиозность. Одна книга оказалась сборником стихов, причем, насколько могла судить Кьяра, довольно посредственных, пестревших непонятными словами и туманными описаниями. Она оставила в покое бюро, разочарованная дурным литературным вкусом покойного мага.

Кьяра осмотрела просевшие кресла, превратившийся в тряпку ковер на полу, стол с огромными канделябрами без свечей и, наконец, подошла к закрытой двери с медными ручками, на которых не было пыли. Кьяру очень заинтересовал этот факт, и она несмело потрогала дверь. «Неужели здесь до сих пор сохранилось действие какого-нибудь заклинания?» – подумала она, задумчиво поворачивая ручку, оказавшуюся очень холодной. Раздался щелчок, и дверь открылась. Кьяра инстинктивно пригнулась и съежилась, ожидая, что на ее голову посыплется что-нибудь ужасное, конечно, не дождь из лягушек, но нечто более прозаичное и опасное. Однако все было тихо. Первое, что бросилось в глаза Кьяре, это канделябр со свечами, которые она быстро зажгла, ярко осветив комнату.

Безусловно, это была спальня хозяина. Ее взгляд скользнул по комнате, стараясь зацепиться за что-то, хоть отдаленно напоминающее предметы, за которые Башня заплатит бас-

нословную цену. Ведь именно этого хотел Зигфрид? Комната была основательно перевернута во время прошлого обыска, и, разумеется, позже никто не потрудился привести ее в порядок. Омерзение окончательно развеяло остатки страха. Шипя и поминая добрым словом своего брата, Кьяра принялась копаться в мусоре.

Перебирая мятую и рваную бумагу, девушка наткнулась на интересный рисунок, на котором была изображена женщина. Довольно милый портрет, сделанный не рукой художника, а пером кого-то, кто хорошо знал модель. Неужели у старого интригана была подруга? Кьяра хихикнула, разглаживая мятую бумагу.

Бывают откровенно красивые лица, поражающие гармоничностью черт, бывают оригинальные лица, затрагивающие своей неповторимостью и индивидуальностью, а бывают лица, которые привлекают внимание чем-то необъяснимым. Художник не всегда может передать очарование такого лица, однако даже на посредственном рисунке заметно нечто, заставляющее задержать взгляд, приглядеться поподробнее и проникнуться мыслью, что запечатленное лицо необыкновенно притягательно.

Сейчас Кьяру смотрело именно такое лицо. Женщина выглядела застенчиво, пряча улыбку в ладонь. «Наверное, ее все очень любили», – машинально подумала Кьяра, проводя пальцем по бумаге, чтобы стряхнуть пыль. И тут же поняла, что первое впечатление обманчиво.

Раньше Кьяра часто размышляла над тем, что имел в виду Зигфрид, а до него Зигмунд, когда говорили, что умный человек и настоящий политик всегда разбирается в людях. Только теперь Кьяра начала осознавать, что стоит за этими общими фразами. «Ее действительно все любили, а вот она – никого, кроме себя, разумеется, – решила Кьяра. – Неужели такой образованный и занимающийся политикой человек, как покойный Стефан Леманн, мог не заметить очевидного факта?»

Кьяра уже забыла, зачем пришла сюда, и была полна решимости найти в спальне покойного мага что-нибудь еще, что могло пролить свет на личность незнакомки с портрета и на то, что ее связывало со знаменитым преступником.

Она принялась усердно копаться в ящиках стола, выстукивая потайные стенки, заглядывать под кровать и за кровать, не обращая внимания на пыль и грязь. По истечении получаса Кьяре пришлось признать необыкновенный профессионализм дворцовой стражи, которая обыскивала апартаменты мага за много лет до нее. Странно, что они пропустили портрет. Девушка устало опустилась на пол возле маленького столика с резными ножками. Наверное, пора было возвращаться и, увы, с пустыми руками. «Подумаешь, какой-то рисунок, – с досадой подумала Кьяра. – Только время зря потратила».

Спальня покойного мага была спокойна и безмятежна, только чуть потрескивающие свечи нарушали тишину. Не было тут никаких призраков, плененных духов и зачарованных дверей. Хотя стоп! Безусловно, придворный маг должен был иметь еще одну комнату для проведения своих опытов, обрядов и прочей непонятной деятельности. Надо думать, что именно в такой комнате он и был арестован, когда вознамерился совершить покушение на наследниц престола.

Кьяра поднялась на ноги, взяла канделябр и обошла комнату, тихонько простукивая стены. Дверь отыскалась на удивление легко, просто она была выкрашена под стены спальни, а ручка выломана. Кьяра поставила на пол свечи и легко толкнула ее. Каково же было ее удивление, когда она поняла, что дверь не открывает внутрь, как положено любым порядочным дверям, а отодвигается в сторону. «Изобретение злобного мага, – подумала она, подхватывая подсвечник. – Хихикает, наверное, сейчас в мире духов».

Вот и рабочий кабинет, в котором сохранился относительный порядок. Кьяра по привычке провела рукой по пыльной поверхности круглого стола, стоящего в центре помещения и

усмехнулась. Похоже, комнаты покойного мага, которых она так боялась, приняли ее довольно гостеприимно.

Проходя мимо многочисленных полок, Кьяра задела ногой что-то круглое и тяжелое. Это нечто тяжело покатилося в ближайший угол. Девушка, оправившись от неожиданности, кинулась догонять его и спустя мгновение с удивлением рассматривала круглый каменный шар. Внутри загадочного предмета что-то шуршало и перекачивалось. «Ого, похоже, это хитроумная шкатулка», – решила Кьяра. Возможно, она все-таки принесет Зигфриду интересную вещь. И еще надо будет захватить несколько бумаг, Зигфрид говорил о записках и документах. Кьяра принялась ощупывать шар, трясти его, пока, наконец, он не раскрылся, словно цветок, во всех стороны.

Это действительно была шкатулка, только содержимое заставило Кьяру охнуть и уронить ее. Из шара медленно стали выплывать буквы, складывающиеся во фразы на знакомом Кьяре языке. Но смысл их ускользал от нее, понятны были только отдельные слова. «Условия... вымысел... необходимость... время... да что же это такое?» – Кьяра присела, схватилась за шар и хлопнула створками, похожими на лепестки. Буквы и слова исчезли. Кьяра оперлась на стол, вздохнула с облегчением и вместе с пылинками смахнула несколько листов бумаги.

Все тексты на них были похожи – они напоминали стихи, которые Кьяра обнаружила еще в первой комнате. А вот один мятый лист... Кьяра несколько раз перечитала его, прежде чем убедилась, что глаза ее не обманывают. Неужели ей повезло, и гвардейцы упустили все-таки пару вещей? Да еще и любовное послание придворного мага какой-то там «моей драгоценности, несравненной королеве». Хотя весь дворец и так мог знать, о ком вздыхает придворный маг.

Кьяра взяла под мышку шар, зажала в руке листочек и вышла через странную дверь в спальню, где на столике лежал портрет таинственной незнакомки. Кьяра положила рядом найденную страницу с текстом и понимающе улыбнулась.

Казармы, Дворцовый округ, столица, Илеханд

Элвира не поняла, от чего она вдруг проснулась. За окошком царила темнота, подсвеченная факелами на внешней стене офицерской казармы. Ночной ветерок шевельнул занавески. Повеяло прохладой, от чего по коже побежали мурашки. Вот оно! Элвира никогда не открывала окно, боясь, что не сможет потом закрыть обратно разошедшиеся рамы.

Лейтенант Ротман села в кровати и зажгла свечу. В углу шевельнулась бесформенная тень, и Элвира невольно вздрогнула. Там стоял некто высокий, заслонившись полкой черного плаща. Взгляд лейтенанта метнулся в сторону шпаги, висящей на подставке для одежды: слишком далеко от нее и близко к незнакомцу. Стоп! Мужчина влезает к ней в окно, не набрасывается на спящую, а всего только стоит в эффектной позе в уголке, а она уже размышляет, как наделать в нем дырок? Если, конечно, это мужчина, а не соседка Ингрид решила устроить розыгрыш.

Таинственному ночному гостю, очевидно, надоело изображать огородное пугало, он театральным жестом распахнул плащ и опустился на колено, протягивая изумленной Элвире огромный букет сирени. Ей хватило секунды, чтобы узнать этого фигляра и со стоном повалиться обратно на подушки.

– С днем рождения! – торжественно провозгласил гость.

– Хор и все воплощения Бога! Алберт, как же я тебя ненавижу! – простонала Элвира.

– Я тоже очень рад тебя видеть, сестричка. – На загорелом лице сверкнула довольная улыбка.

– Который сейчас час?

– Два часа до рассвета. Пойдем, погуляем! Ночь сегодня просто волшебная.

Элвира закопала голову в подушки и невнятно ответила, куда любимый братец может идти гулять. Алберт присел на кровать, положил мокрый от росы букет ей на грудь и принялся оттирать подушку, в которую она вцепилась.

– Пойдем, пойдем... – приговаривал он. – Дышать свежим воздухом полезно. А спать вредно, жизнь проходит. Ты сегодня и так на год старше стала, много ли тебе осталось?

– Спасибо, что напомнил. Ты – сама деликатность!

Элвира выпустила подушку и вдобавок постаралась ударить его второй. Алберт перехватил ее запястье, отобрал мягкое оружие и поцеловал руку. Элвира вырвала ее и с удивлением обнаружила на запястье браслет из серебристого жемчуга.

– О! Так ты, значит, не только этим венком решил от меня отделаться, – произнесла Элвира, снова усаживаясь в кровати. – Наверное, чей-то сад ободрал?

– Не «чей-то», а его светлости Зигфрида Корфа, герцога крови и наследника престола... не помню какого в очереди, – наставительно произнес Алберт, помогая ей собрать рассыпавшиеся ветки.

– Значит, тебе не отрубят руки, а сразу повесят, – констатировала Элвира, с наслаждением вдыхая свежий, любимый с детства аромат. – И ты, наконец, перестанешь меня мучить.

– Ты не справедлива! Даже если у нашего морского герцога поднялась бы рука на одного из его любимых верных капитанов, – Алберт притворно смахнул слезинку, – я бы каждый год возвращался к тебе накануне дня рождения и стenal, и выл, и рыдал горячими слезами.

– Здорово! – вдохновенно откликнулась Элвира. – А скрежет зубовой издавал бы?

Алберт воздел руки и возвел глаза к потолку в безмолвной мольбе. Потом оба расхохотались и крепко обнялись.

– Я на самом деле рада, что ты еще жив и даже помнишь о моем дне рождения, – пробормотала Элвира, вытирая о его плечо внезапно подступившие слезы. – Я тебя так давно не видала, кажется, лет сто прошло.

– Не ври старшим, – строго сказал брат, глядя ее по светлым волосам. – Мы оба знаем, сколько тебе сегодня исполнилось.

– Но никому не скажем? – хитро прищурилась Элвира, высвобождаясь из братских объятий.

– Конечно, – серьезно кивнул тот. – Особенно если ты пообещаешь, что в этом году выйдешь замуж, наконец. Ужасно хочется понынчить маленьких вопящих ротманчиков!

– Вот сам и наделай себе, – откликнулась лейтенант. – А еще лучше навести брата. У него их с полдюжины.

– У него уже не вопящие, а рассуждающие с умным видом. Это не интересно. Кстати он собирается старшего прислать ко мне в Дни Зимородка. Хочет, чтоб я взял парня в море, как он выразился, «понюхать соли».

– А как ты вообще живешь? – спохватилась Элвира, – Как «Злая скумбрия», не утонула еще? И что ты делаешь в столице?

– Все по-старому, – брат ошутимо поскущел. – Ходим, бродим, ищем, кого бы поглотить...

– А тебя все манят дальние дали и неоткрытые мели?

– Манят, – невесело кивнул капитан. – Увы мне, для обычного капера я слишком романтический.

Элвира фыркнула. Потом чмокнула брата в колючую щеку и, выбравшись, наконец, из постели, принялась пристраивать сирень в кувшин для умывания.

– Ты так и не ответил, надолго ли в столице? Не только ради меня же ты покинул своих любимых морских шутов?

– Морских волков! – возмущенно поправил Ротман, но было заметно, что веселое настроение капитана испарилось. – Ты меня раскусила. Сопровождал одну особу из Морской Длани. Удачно совпало.

– У тебя неприятности? – внимательно посмотрела на брата Элвира.

– Нет, все нормально. Даже, я бы сказал, слишком нормально. – Алберт откинулся на кровать, заложив руки за голову. – А душа просит бури. Понимаю, что все это крайне глупо – меланхолия, самокопание, духовная неудовлетворенность... Прямо хоть поучительную книжку пиши.

– Тоскливая книжка получится.

– Не то слово, сестренка.

Повисла пауза. Алберт рассматривал низкий беленый потолок, а Элвира старалась решить, что его так терзает. Брат с детства хотел добежать до горизонта и мучился от невозможности поймать радугу. Она и их старший брат, унаследовавший баронский титул вместе со всем грузом вековых традиций гордой фамилии Ротманов, никогда не могли понять его стремлений и полета души. Элвира отличалась практичностью и твердо стояла на земле. Может быть, поэтому она так любила Алберта, всегда пытавшегося увлечь ее за собой в мир неведомого. Жаль, что Ротманы не богаты. Скопить на экспедицию к далеким берегам вряд ли удастся, даже если продать родовой замок и все имущество. И, похоже, чем дальше, тем глубже это ранит Алберта. Не дошло бы до беды. Надо хотя бы попробовать отвлечь его от грустных мыслей.

– Предлагаю сейчас лечь и поспать, чтобы днем погулять по городу. У меня отпуск на сутки в честь дня рождения. Вечером отпразднуем, и я тебя познакомлю с моей подругой Ингрид...

– К сожалению, не получится. – Алберт со вздохом встал и, в свою очередь, чмокнул ее в макушку. – Послезавтра я должен быть в Мительхафене, а еще через сутки – в открытом море.

– Тогда пойдем гулять сейчас. – Элвира секунду поколебалась, но решила, что форма будет удобнее, да и патрули на улицах не станут привязываться. – И все-таки – как ты попал ко мне?

– Пфф! Эта ваша так называемая стена не остановит и почтенного отца в подпитии, – отмахнулся Алберт. – А начальнику караула настоятельно рекомендую выписать дня три-четыре оздоровительной гауптвахты.

Элвира усмехнулась, надела перевязь со шпагой и первой перепрыгнула через подоконник на улицу.

Королевский дворец; Посольство, Дворцовая площадь, столица, Илеханд

Обратный путь Кьяра прошла без света, одной рукой держась за стену, другой прижимая к боку загадочную шарообразную шкатулку. Коридор больше не казался пугающим, а покинутые апартаменты покойного мага навевали вместо ужаса какую-то непонятную грусть. Кьяра ждала больше приключений, согласившись на предложение Зигфрида забрать вещи мертвеца. Медленно шагая по коридору, она старалась вспомнить все, что было связано с делом придворного мага-изменника. Все началось с того, что Стефан Леманн решил убить детей крон-принцессы Фредерики. Точнее, началось все, конечно, не с этого. Однако сведения Кьяры, полученные от покойного Зигмунда Корфа, ограничивались именно таким не очень многообещающим началом.

Поглощенная пыткой своей памяти, Кьяра вышла в скупо освещенный коридор, соединяющий старое крыло дворца с новым. Где-то тут находился ход в подвал. Память ее оказалась истинным разведчиком и не желала выдавать военные тайны, поэтому Кьяра не заметила, как прошла мимо входа в подземелье. Это прискорбное обстоятельство было обнаружено, когда Кьяра, которая смотрела в пол, неожиданно наткнулась взглядом на чьи-то сапоги. В течение пяти секунд Кьяра поняла, что сапоги в ее походе запланированы не были, а если и были, то свои, а не чужие. Она неспешно подняла глаза, ожидая встретить непробиваемый и невозмутимый взгляд стражника.

Однако именно в этот момент судьба сыграла одну из своих знаменитых злых шуток. От одного королевского гвардейца Кьяра могла убежать, спрятаться в укромном местечке, выждать некоторое время, а потом преспокойно найти на плане замка нужное ответвление и скрыться. Нет, конечно, лейб-гвардия королевы Фредерики вовсе не была бандой неумелых неудачников, просто имела одно несомненное преимущество: в ней не было магов.

Именно об этом подумала Кьяра, когда, не тратя времени на разглядывание незнакомца, ловко метнулась обратно в спасительную темноту, но, к несчастью, споткнулась и упала. Первые секунды она решила, что это случайность, пока не поняла, что не может двинуть ни рукой, ни ногой.

Теперь, когда таинственные сапоги снова попали в поле зрения лежащей на жестком каменном полу Кьяры, она смогла получше рассмотреть их хозяина в слабом свете коридорных факелов. Он был высок и строен, насколько можно было судить по очертаниям фигуры, закутанной в темный плащ.

– Что я вижу – в королевском замке завелись воры, – раздался довольно приятный голос. – Куда же смотрит доблестная гвардия?

Кьяра хотела покачать головой, но ей удалось только поморгать.

– Отпустите меня, – прошептала она. – Доблестная стража может заинтересоваться тем, что в замке завелись еще и маги.

– Отпущу, если назовешь свое имя и объяснишь, что ты здесь делаешь.

Кьяру поразила наглость незнакомца – в Илеханде маги могли находиться на территории любого города только при наличии особого разрешения, выданного магистрами Башен и утвержденного владельцем земли, на которой находится город. Маг, пойманный за пределами земли своей Башни без разрешения, немедленно отправлялся в тюрьму до выяснения обстоятельств. Лорды на местах часто отпускали нарушителей за определенную мзду. Попасться в столице, разрешение на въезд в которую утверждалось самой королевой, означало, зачастую, смертную казнь. Поэтому даже ученики из Башен, навещая родственников, следили за тем, чтобы разрешение было сделано по всем правилам. В особых, крайне редких случаях, магам разрешали применять свои способности по договоренности с лицом, к которому они были

приглашены, и исключительно у него дома, чтобы не тревожить добрых жителей королевства. Но увидеть колдующего мага во дворце было совершенно немыслимо! Да еще так близко от места, где и произошла трагедия, ставшая причиной появления закона об ограничении магии.

– А вам не кажется, что мое положение перед стражей будет не в пример выгоднее вашего. Или вам неизвестно, что ее величество не любит магов?

К ее удивлению, мужчина расхохотался.

– Не пугай меня тюрьмой, потому как очень сомнительно, что я туда попаду. Конечно, придется придумать правдоподобную причину, чтобы объяснить мое присутствие здесь в столь позднее время. А после я могу спокойно сдать тебя страже.

– Думаю, после этого вы недолго задержитесь на этом свете, – в тон ему насмешливо произнесла Кьяра. Ей стал надоедать этот разговор, который приходилось вести из столь унижительного положения.

Мужчина, удивленный ее ответом, подошел поближе.

– И чем же ты отличаешься от обычного воришки? Тем, что пробрался в королевский замок?

– Теми, кто за мной стоит, – улынулась Кьяра, хотя по-прежнему лежала на животе на полу, подобрав под себя руки, сжимавшие шарообразную шкатулку.

– Надеешься запугать меня? – спросил странный маг, наклоняясь к ней, и неожиданно рывком поднял с пола. – Млет всемогущий!.. – потрясенно воскликнул он. – Да ты женщина!

«Тусарец», – догадалась Кьяра, как только незнакомец упомянул воплощение Бога, которому поклонялись в соседней стране.

– Несомненно, – ответила Кьяра. – Как и то, что иноземных магов королева любит не больше, чем местных.

Незнакомец снова расхохотался.

– И умная женщина! Надо же.

Кьяра не поняла, почему он так развеселился, но уяснила одно: от него необходимо избавиться. Черная полумаска, украшавшая лицо мужчины, много говорила о причине ночного визита во дворец. Свидание. Романтично и загадочно, какой-то фрейлине или гвардейцу повезло. Еще Кьяра по голосу поняла, что он молод, а значит, от излишнего уважения в общении можно отказаться.

– Немедленно отпусти меня, иначе больше не увидишь свою родину и Башню.

– Как невежливо, – укоризненно покачал головой незнакомец и опустил взгляд. – А что это у нас тут?

Кьяра чуть не взвыла от досады – он заметил ее ценную шкатулку.

– Убери руки, – зашипела она.

Мужчина остановился и с интересом взглянул на нее.

– А если нет, то что, испепелишь меня взглядом?

Никогда Кьяра не попадала в такое глупое положение, из которого невозможно было выпутаться, не унизив своего достоинства или не рассказав о себе. Обычно имя Зигфрида действовало на людей отрезвляюще. Кьяра раздумывала, стоит ли говорить наглому незнакомцу, откуда она. Полускрюченное положение, ставшее еще более унижительным из-за того, что маг держал ее за шкуру, не так рассердило Кьяру, как его руки, тянущиеся к шкатулке.

– Убери руки, – повторила она, – и я скажу тебе свое имя и имя того, кто меня послал.

Она с радостью увидела, как незнакомец чуть нахмурился, и противная улыбочка на его лице стала менее уверенной.

– Ну, хорошо, попробуй удивить и испугать меня.

– Я миледи Кьяра Корф. Я прибыла в столицу из Морской Длани по особому поручению герцога Зигфрида.

Последовавшая за этими словами тягостная тишина убедила Кьяру в том, что незнакомец проникся полученной информацией. Он опустил глаза, а когда снова поднял их, в них уже не было насмешливого выражения. Он внимательно осмотрел Кьяру с ног до головы, и невидимые путы, сковавшие ее, исчезли. Кьяра облегченно вздохнула и стряхнула его руку со своих плеч.

– Благодарю, – сказала она, чувствуя себя хозяйкой положения. – А теперь, может, сам представишься?

– Граф Марио Риччи, тусарский посол при дворе ее величества, – немного склонив голову набок, словно к чему-то прислушиваясь, ответил мужчина.

Теперь настала очередь Кьяры удивляться. Посол-маг? Скорее всего, ее величество понятия не имеет, кого впустила в государство. Или у него есть специальное разрешение? Невероятно, король Тусара еще не сошел с ума, чтобы столь грубо и глупо попираť законы страны, где собирался женить своего сына. Значит, граф как маг здесь инкогнито.

– Ладно, испугали друг друга, теперь можно поговорить, – сказал тем временем посол, продолжая внимательно рассматривать Кьяру. Она спрятала шар за спину. – Не знал, что у Корфа есть сестра.

– Я приемная дочь, – коротко бросила Кьяра. – И предлагаю мирно разойтись, сделав вид, что мы ничего и никого не видели.

– Ну почему же? – В его глазах вновь появилось насмешливое выражение. – Я с удовольствием послушаю о Морской Длани, а то у нас в Тусаре многие думают, что такого человека как Зигфрид Корф не существует.

– Это их проблемы. Впрочем, если ты желаешь убедиться в обратном, я могу тебя познакомить с Зигфридом. Только, боюсь, ты ему не понравишься, – усмехнулась Кьяра.

– Я думаю, мы отложим знакомство лет, так скажем, на сто пятьдесят, – весело сказал граф. – Предлагаю подумать о настоящем. Ты собираешься здесь оставаться до утра?

– Нет. Но... – Кьяра немного замялась перед тем, как признаться. – Я немного заблудилась.

Конечно, у нее были планы. Но достать их – значит рисковать вынуть рисунок, найденный в комнатах покойного мага и заботливо спрятанный Кьярой за пазуху. Может, посол знает другой выход из дворца?

Граф прищурил глаза, словно раздумывая, говорит ли она серьезно, а потом кивнул:

– Тогда я могу тебя вывести отсюда, разумеется, за замолвленное за меня словечко перед всемогущим Хозяином Морской Длани.

Кьяра нахмурилась, но, услышав, что он рассмеялся, поняла, что это была шутка.

– Хорошо, и если можно – поторопись.

Граф подошел к ней почти вплотную и попросил:

– Обхвати меня руками.

– Это еще зачем? – рассердилась Кьяра и завела руки со шкатулкой за спину.

Он раздраженно вздохнул.

– Я сказал, что могу вывести тебя отсюда, а способы оставил за собой. Мне необходимо, чтобы мы представляли собой как бы один предмет.

До Кьяры, наконец, кое-что дошло. Все-таки в Морской Длани был маг, и о некоторых заклинаниях она знала.

– Телепорт прямо отсюда? У тебя что – точки по всей столице?!

– Не думаю, что королева отважится казнить меня. Мой король не оценит подобного шага.

– Дипломатическая неприкосновенность заканчивается там, где начинается грубое попраніе законов и традиций государства.

– Каких еще традиций? Использование магии в Илеханде ограничили недавно, и двадцати лет не прошло. В Башнях это расценили как непоследовательность и выразили надежду, что долго этот закон не просуществует.

– Однако ошиблись, а? – довольно хмыкнула Кьяра. Ее начинала раздражать напыщенность и самоуверенность этого тусарца.

– Пока, – сухо сказал граф.

– Я бы не советовала обсуждать подобные вещи в королевском замке. В Илеханде и стены часто имеют уши.

– Уши есть и в Тусаре, а вот языки намного короче, – вздохнул граф. – Думаю, нам пора.

Девушка немного помедлила, а потом, не выпуская из рук шкатулку, тесно прижалась к графу, который произнес несколько непонятных слов, хитро прищелкнув пальцами правой руки. Кьяре прежде не приходилось пользоваться таким способом перемещения. Она испытала странное чувство раздвоенности тела и мозга, но все оказалось не так страшно.

– Где мы? – спросила она, осматривая темную комнату.

– В тусарском посольстве, – ответил граф, отходя от нее. – И нет, я не ставлю бесконтрольно точки телепорта по столице. – Он зажег свечи.

Тусарский посол при свете и без маски оказался интересным и симпатичным мужчиной лет тридцати. Кьяра старалась поменьше смотреть на него и попыталась припомнить, чем маги из разных Башен отличаются друг от друга, но ее знаний в этой области было явно недостаточно. Феликс, маг из Морской Длани, был всегда страшно занят тем, что выполнял поручения своего герцога. Ему некогда было наставлять маленьких любопытных девочек.

Она помнила, что выпускники Шестой Башни являются целителями, а Четвертой, – боевыми магами, как Феликс, но этим ее познания ограничивались. Иногда Зигфрид ездил в Шестую Башню по «торговым делам», как он всегда выражался. Об этих «делах» Кьяре было ровным счетом ничего не известно. Только раз, на «Изумрудном быке», флагманском корабле Зигфрида, она мельком видела Магистра Шестой Башни. Скорее всего, именно по его заказу морской герцог послал Кьяру обыскать апартаменты придворного мага. Магистру могли понадобиться какие-нибудь записки Леманна для работы. Иногда в ее голову закрадывались мысли, что занятия Зигфрида более опасны, чем она могла себе представить. Когда был жив Зигмунд, она редко задумывалась о том, что ее добрый приемный папочка, любивший в детстве подкидывать ее на руках, на самом деле коварный и опасный человек, политик, глава могучей организации. Она любила его той любовью, которой дети любят родителей, несмотря на все их недостатки. После внезапной гибели Зигмунда Кьяра была оглушена, потому что слишком рано узнала, что значит потерять близкого человека. Последовавшая за этим смерть Конрада должна была вызвать менее болезненную реакцию, однако Кьяра пережила ее тяжелее: наверное, так всегда бывает, когда умирает твоя первая любовь. И у Кьяры остался один Зигфрид, младший сын Зигмунда, ее названный брат, с которым у нее сложились далеко не братские отношения. Но Зигфрид – это не Зигмунд, и Кьяра в последнее время часто раздумывала, какие дела он ведет втайне от нее, и чем это может грозить им в будущем. Она очнулась от раздумий, и задала вопрос, который интересовал ее в данный момент.

– А в какой Башне учился наш глубокоуважаемый господин посол?

Граф удивленно посмотрел на нее.

– Естественно, в Четвертой, – сказал он таким тоном, как будто другое предположение могло оскорбить его.

Кьяра решила остановить расспросы о Башнях, чтобы не показывать и дальше свое невежество. К тому же собеседник вряд ли в восторге от ее любопытства. Она помешкала, а потом, не дожидаясь приглашения, села в ближайшее кресло, продолжая прижимать к себе шарообразную шкатулку.

– Дама не желает чего-нибудь выпить? – осведомился граф Риччи, беря за ручку прозрачный графин с жидкостью.

– Наверное, дама предпочтет позавтракать, если время уже подошло, – в тон ему откликнулась Кьяра.

– Скоро подойдет, – ответил граф, бросив взгляд в распахнутое окно, из которого начал поддувать свежий предрассветный ветерок.

– Тогда имеет смысл выпить.

Вообще-то Кьяра понимала, что разделять пищу, питье и комнату с едва знакомым человеком в высшей степени неблагоразумно и, возможно, невежливо. Но этот непонятный посол маг вызывал у нее странное чувство. Она отпила из бокала и посмотрела на графа, который сидел напротив нее в какой-то напряженной позе.

– Неплохое вино, – заметила Кьяра, понимая, что если она не заведет беседу, граф ничего ей сам не расскажет.

– Наверное, ты не привыкла к такому. – Он небрежно пожал плечами.

Кьяра нахмурилась и покачала головой. Многие люди в Илеханде и, как оказалось, за ее границами, рассуждали несколько странно: если Морская Длань – моряки, то живут они чуть ли не в лачугах, питаются, чем Бог послал, и вообще крайне невежественны во всех отношениях. Граф Марио Риччи и подумать не мог, что резиденция Зигфрида Корфа была роскошнее его замка, а вина в подвалах тусарского графа рискуют оказаться кислым пойлом по сравнению с тем, что находилось в Морской Длани.

Однако Кьяра не стала убеждать графа в том, что ее потрепанный колет, рубаха не первой свежести и потертые штаны с запывлившимися сапогами не означают убогости и нищеты. В Тусаре женщины в армии не служили и государственных постов не занимали, и для тусарского дворянина вид особы женского пола в мужской, а на самом деле универсальной, одежде был непривычен, тогда как в Илеханде это было довольно распространенное явление. Единственное, что Кьяра не надела, отправляясь в ночное путешествие, это юбку-хвост, которую обычно прицепляли на пояс поверх штанов. Вероятно, поэтому граф Марио Риччи продолжал сидеть в той же напряженной позе и внимательно разглядывать Кьяру. Тусарец определенно не привык видеть благородных дам в таком виде. Это пробудило в ней озорное желание раздражить иностранного посла еще больше.

– Не привыкла. Я предпочитаю велийские вина. У тусарских, на мой вкус, слишком много аромата и слишком невнятный букет. – Кьяра с мстительным удовольствием наблюдала выражение недоумения, появившееся на красивом лице.

– Не могу согласиться, моя прекрасная госпожа. – Тусарец заметно оскорбился. – Вина Велии, несомненно, хороши, но в них нет той утонченности и легкости, которая присуща дарам виноградников солнечного Тусара. Возможно, вам просто попадались дешевые подделки, не предназначенные к столу столь взыскательных ценителей. Илеханд, безусловно, вне конкуренции по части вин сухих, но самые прекрасные десертные сорта создают именно в Тусаре.

– А еще у вас прекрасные болота, – перебила разошедшегося графа Кьяра.

Посол осекся и хмуро посмотрел на невинно хлопающую ресницами девушку.

– Я рад, что слава наших целебных грязевых источников, – с нажимом произнес он, – достигла даже столь отдаленных уголков.

– О, нет! – беспечно отмахнулась Кьяра, – Я имею в виду болота Озерного Края, там, где по слухам утонула целая тусарская армия во время последней войны с Велией. Мой учитель утверждал, что это настоящее чудо света. Мечтаю когда-нибудь увидеть своими глазами! Впрочем, о вашем странном пристрастии купаться в грязи я тоже слышала. У нас же для красоты кожи предпочитают принимать ванну с ароматическими маслами. Вам надо попробовать.

– Непременно, – процедил граф Риччи сквозь зубы, явно задетый за живое.

Воцарилось молчание, во время которого Кьяра с удовольствием потягивала вино, непонятно почему радуясь своей маленькой победе в пикировке. Но под пристальным взглядом этого самодовольного иностранца, она снова чувствовала себя странно. Неожиданно откуда-то выползло то старое чувство неловкости, которое, как считала Кьяра, было похоронено еще в детстве. Повзрослев, она поняла, что пристальный взгляд Зигфрида вовсе не означал растрепанных волос или пятна на одежде. Все-таки не надо было отцеплять верхнюю юбку, неудобно получилось.

– Ты так и не расскажешь, что делал ночью в коридорах дворца? – решила Кьяра, которую стал раздражать его взгляд.

– Ну, ты же не хочешь услышать от меня встречный вопрос? – ухмыльнулся граф.

– Я на него уже ответила.

– Да. Только за словами «поручение Морской Длани» может скрываться, что угодно. Откуда мне знать, что твой герцог не хочет помешать моей дипломатической миссии?

Кьяра лихорадочно попыталась вспомнить, что за последнее время происходило в стране, и в чем могла заключаться миссия тусарского графа. Он что-то говорил про короля... Ну, конечно! Кьяра довольно улыбнулась.

– Зигфрида не интересует сватовство вашего принца.

Граф рассмеялся.

– Было бы все так просто, оно бы никого не интересовало. Но ваша принцесса несколько усложнила задачу.

– Пока она усложняла жизнь королеве и двору, – вспомнила Кьяра некоторые замечания Зигфрида в адрес правящего дома.

Марио хитро посмотрел на нее.

– Кронпринцесса должна выйти замуж, верно? И если она изо всех сил сопротивляется этому, родителям приходится идти на крайние меры.

Кьяра фыркнула.

– И тебя вызвали, чтобы как-то... м-м-м... подействовать на принцессу Вильгельмину?

– Упаси Млет. – Марио, казалось, был шокирован. – Ты же сама говорила, что попираешь законы страны в высшей степени некультурно и чревато последствиями.

– Значит, королева Фредерика все-таки не знает, что впустила в столицу мага без документов?

Кьяра задала вопрос спокойно, как можно доброжелательнее улыбнувшись.

Граф перестал улыбаться, медленно встал со своего места и подошел к Кьяре:

– Не знает, – тихо сказал он. – И я не понимаю, почему то, что я обладаю магией и учился в Башне, должно мешать моей дипломатической карьере. Король Лоренцо возложил на меня миссию устроить брак его сына. Только во имя уважения законов Илеханда я скрыл некоторые факты своей биографии, и как раз это не дает никому права мешать мне.

Кьяре самой иногда казался жестким закон об ограничении магии на территории страны, но она выросла в Илеханде и уже привыкла, что маг – это куча бумажек и печатей.

– Я согласна, что у нас разные представления о правах и обязанностях, – сказала Кьяра и, увидев, что граф снова нахмурился, предостерегающе подняла руку. – Расскажи лучше, что еще натворила кронпринцесса.

Марио немного постоял, а потом, расслабившись, сел в свое кресло.

– Королева Фредерика устроила обед в честь принца Джордано. Кронпринцесса Вильгельмина была весела и приветлива со своим будущим женихом, но за столом принц обнаружил в своей тарелке живую лягушку в бумажной короне. Все гости были ошеломлены, и только принцесса хохотала так, что ни у кого не осталось сомнений – лягушку подложила она. Кузина принца, смелая девушка, голой рукой схватила лягушку и выбросила ее.

Кьяра вздохнула.

– Бедный ваш принц Джордано. Он, конечно, оставил затею с браком. Теперь вздохнул Марио.

– Бедная ваша кронпринцесса Вильгельмина. Принц готов ей отдать руку и сердце не во имя государственных интересов, а потому, что влюблен в нее без памяти. Боюсь, ей от него так просто не отделаться. А мне приходится прилагать все усилия, чтобы его сердце не разбилось окончательно. И королева не отказалась бы от этого союза.

– Не откажется, – вставила Кьяра. – Принцесса Вильгельмина отвадила кучу женихов, применяя при этом скверные шутки. Наверное, кроме принца Джордано никого и не осталось. Кстати, а что думает король Лоренцо о печалих своего сына?

– Король считает, что принц сам разберется. Его гнетут другие заботы, например, отсутствие детей у его наследника.

– Да, безусловно, это очень важно, – пробормотала Кьяра, снова пытаясь вытащить из памяти нужную информацию: когда и на ком женился тусарский кронпринц Донато. Но на этот раз озарение не постигло ее, и тайны тусарского двора остались неразгаданными. Граф Риччи, конечно же, промолчал.

– Ну что ж, – выдохнула Кьяра. – Я со своей стороны могу лишь выразить надежду, что твоя миссия увенчается успехом. Королева Фредерика по достоинству оценит твои старания и страдания во имя этого брака, и домой ты увезешь послание для своего короля, которое положительно скажется на твоей карьере.

Она с удовлетворением отметила, что брови графа поползли вверх от удивления. «Так ему и надо, – мстительно подумала Кьяра. – Похоже, теперь он перестанет считать меня невежественной бродяжкой. Хотя какое мне дело! Подумаешь – мнение какого-то жалкого посла». Однако Кьяра непроизвольно нахмурилась и нервно сжала рукой бокал.

– Думаю, с моей карьерой все будет прекрасно в независимости от того, провалю я это дело с браком или нет, – рассмеялся Марио, и она не поняла его веселости.

У Кьяры появилось чувство, что этот тусарский дворянин играет с ней в какую-то странную игру, правил которой она не может понять. Это одновременно и злило ее и вызывало жгучее непреодолимое любопытство. Щекотала нервы и мысль о том, что она нарушает закон, покрывая мага, присутствующего в столице без разрешения властей.

Кьяра не была приверженцем острых ощущений, справедливо считая, что усложнять жизнь собственными руками – верх человеческой глупости. Все яркие, волнующие и тревожащие события ее жизни, которых, хвала Хору, случалось на ее коротком веку не так много, обычно вызывали у нее головную боль и раздражение. В детстве она с изумлением слушала обрывки историй Зигмунда Корфа о том, как он снова с ловкостью вышел победителем из очередной непростой истории, которую сам же и запутал.

Тогда Кьяра решила, что уж ей-то никогда не придет в голову усложнять свою жизнь да еще и подходить к этому процессу творчески. Но теперь она смотрела на своего загадочного нового знакомого и думала над тем, как раскрыть истинные мотивы его присутствия в столице Илеханда. В том, что здесь есть, что раскрывать, Кьяра была уверена. На это указывало его ненавязчивое, но заметное превосходство в разговоре с ней. «Если человек надменен и насмешлив – значит, он знает гораздо больше тебя. Лишить его этого преимущества можно, если правильно заговорить с ним», – вспомнила Кьяра слова Зигмунда. Но как заставить говорить этого тусарского графа, который был еще и магом? Кьяра опустила взгляд и увидела шероховатый бок шкатулки, которая все еще лежала рядом с ней на кресле. Она взвешивала в уме все «за» и «против», попыталась представить последствия своих действий, не нашла ничего страшного, и, приветливо улыбнувшись, посмотрела на графа Марио Риччи. В конце концов, деловой разговор вполне можно совместить с невинным флиртом.

Глава 3

Королевский дворец, столица, Илеханд

– Моя мать – зануда. Сколько можно мучить меня этими женихами?

– Э-э-э... хм...

– И принц – зануда. Почему он не уехал, как остальные? Еще и посла нового прислали.

– Ага...

– Не будь скучным, Карл! Станешь похож на принца, и я брошу тебя!

Молодой человек покосился на нее и пожал плечами. Ну, как объяснить принцессе, что это она может неуважительно высказываться в адрес королевы и иностранного принца! Лейб-лекарь такой возможности не имеет.

– И посол лезет не в свое дело. – Принцесса разложила на коленях свои новые охотничьи перчатки.

– Это же политический брак, – рискнул сказать Карл слово в защиту дипломата.

– Только тусарский король мог додуматься до того, чтобы прислать посла вытирать сопلي своему младшенькому сыночку! Другие мои женихи сами могли постоять за себя!

«И где они теперь?», – подумал Карл, а вслух сказал:

– Все образуется.

– Только в том случае, если женихи кончатся, – проворчала принцесса Вильгельмина, примеряя перчатки и критично шевеля пальцами. – Был бы ты принцем, все бы наверняка уладилось. Я бы ездила на охоту со своей отличной сворой, а ты бы сидел во дворце в свое удовольствие.

«Вот только влезть в шкуру принца мне не хватало», – подумал Карл.

– Никто не выбирает, кем ему родиться, – философски заметил он.

– Верно. Я хотела бы быть богатой молодой вдовой с самой шикарной конюшней в стране. И еще разводила бы борзых. – Тон принцессы стал мечтательным. – Исключительно умные животные, дадут фору многим принцам, послам и им подобным, – прибавила она с досадой.

– Вильгельмина, кто вам сказал, что мечтать о вдовстве это хорошо? – спросил несколько шокированный Карл.

– Что плохого в богатстве и возможности заниматься любимым делом? – обернулась к нему принцесса.

– Вы и так богаты, а еще молоды и красивы. У вас прекрасные борзые, насколько я могу судить. И лучший конь. И охотничий сокол. А желать кому-то смерти – дурно. Пусть даже несуществующему мужу.

Вильгельмина кинула на него недовольный взгляд своих карих с золотистыми искорками глаз и надула губы.

– Хор всемогущий, Карл, ты как старая королевская фрейлина: бурчишь и морали читаешь. Скоро вы споетесь с Матильдой. Лучше скажи, какая из шляп будет лучше смотреться с костюмом? – Она швырнула перчатки на диванчик с разложенным на нем костюмом. – Мама затеяла бал-маскарад в честь праздника Смены Сезона. Но я подозреваю, что она снова от меня что-то скрывает. Слишком тщательно готовится.

Карл перебрал несколько шляп и выбрал одну, с перьями королевских цветов. Принцесса примерила ее, осталась довольна и, сменив гнев на милость, поцеловала Карла. Как всегда в такие моменты он до смерти боялся, что кто-нибудь зайдет в комнату. Фрейлинам и лейб-гвардейцам положено стучаться, советники разных мастей докладывают о себе предварительно, да

и вообще их в апартаментах принцессы днем с огнем не сыщешь. А вот королева! Она-то не обязана стучаться в комнаты дочери.

– Мне не дает покоя этот праздник, – сузила глаза Вильгельмина. – Да еще с таким размахом! Среди приглашенных не только наша знать, но еще множество иностранцев. Впрочем, против своих суридских кузин я ничего не имею. Когда я год назад была на свадьбе эмира, Эсма эмирын подарила мне шикарное седло. Умеют у них делать надежные седла. На таком хоть в горы, хоть в пустыню. Самое главное, что материал мягкий, и через пару-тройку выездов седло сидит, как влитое. И это без снятия мерок с Шатци. Я всегда заставляю снимать мерки для новых седел. У лошадей строение спины далеко не одинаковое. Но не все мастера понимают это. Сделают деревянное седло, которое только двери подпирать пригодится. Но в Суриде невероятно талантливо выделывают кожу...

Карл привычно отключил слух. Он научился так делать, когда принцесса заговаривала о своих собаках, лошадях, седлах и прочих вещах, которые казались лейб-лекарю очень скучными. Очнулся он, когда Вильгельмина с громким вздохом порывисто встала с кресла.

– До сих пор порадоваться на него не могу. Думаю написать Эсме, чтобы переправила мне еще несколько. Сделаю подарки. – Она покружила по комнате и подхватила с диванчика перчатки. – Пойду, проведу борзых. Псарь говорил, у старшей девочки с ушами неприятности, надо взглянуть. Она слишком часто чешет уши и головой трясти стала. Подозреваю, у нее клещи. Да, Карл, принеси мне яблочное шорле, что-то жарко сегодня.

Карл медленно шел по коридорам замка, и его настроение стремительно падало. С некоторых пор связь с кронпринцессой стала тяготить лейб-лекаря. Три месяца назад он был изумлен и донельзя польщен, когда принцесса Вильгельмина обратила на него внимание на балу в честь свадьбы одной из фрейлин королевы. Ведя его за руку в свои апартаменты, Вильгельмина рассказывала о том, какой болван ее очередной жених и как она накануне проминала своего коня, а потом вытаскивала камешек из копыта.

Утром, лежа на роскошной кровати рядом с наследницей престола, Карл размышлял том, что принесет ему этот неожиданный поворот судьбы. И здесь ему в голову впервые закралась мысль, а что будет, если о его связи с принцессой узнает королева? Когда они проходили мимо караула у дверей, он постарался пониже наклонить голову, но, возможно, кто-нибудь из стражников узнал тогда еще обычного дворцового лекаря. Проснувшаяся принцесса убедила его, что опасения насчет сплетен напрасны: гвардейцы знают, когда нужно помалкивать. Позже, когда принцесса принесла ему вожденную должность лейб-лекаря, Карл понял, почему Вильгельмина предпочла его какому-нибудь модному и известному повесе. Вероятно, она тоже не хотела, чтобы королева узнала о равнодушном отношении своей дочери к молодым людям. А у титулованных повес помимо громких имен имеются еще и длинные языки. Кто не похвастается благосклонностью кронпринцессы?

Карл нервно повел плечами. А тут еще эта история с тусарским принцем. Конечно, принцесса Вильгельмина обратила на него внимания столько же, сколько на других претендентов на ее руку и сердце. То есть гораздо меньше, чем на лошадей и борзых. Но Карл не зря провел несколько лет при дворе, чтобы не услышать шепотки о том, что тусарский принц по уши влюблен в Вильгельмину и не собирается так просто сдаваться и уезжать. Другие придворные поговаривали, что королева заставит свою дочь выйти замуж, потому что вроде как Илеханд обязан Тусару. В чем заключается эта обязанность, Карл не знал. Он имел расплывчатые представления об истории династии королей Илеханда, не говоря уже о соседних правящих домах. В одном он был уверен точно: лейб-лекарь никак не вписывается в планы королевы, а наоборот, является досадной помехой. И если ее величество узнает об интрижке Вильгельмины и решит, что об этом больше никто узнать не должен... Карл вздрогнул и почувствовал, как страх начинает парализовать тело.

– Господин Ханке, – раздался звонкий голос у него за спиной.

Он обернулся и увидел спешащую к нему обер-фрейлину Матильду вместе с незнакомой дамой. Похоже, новая фрейлина.

– Ее величество немедленно требует вас к себе.

Сказать, что Карлу стало дурно, это не сказать ничего.

– А... а что случилось? Видите ли, я...

– Я же сказала – немедленно, – возмутилась обер-фрейлина и, понизив голос, добавила. – Королева Фредерика неважно себя чувствует, так что поспешите.

– Но Виль... ее высочество просила меня принести ей шорле.

– Я сама выполню просьбу ее высочества, а вы извольте явиться к королеве.

– Ее высочество на псарне, – кивнул Карл.

Матильда фыркнула. Новая придворная дама рядом с ней таращила глаза, прикрываясь веером. Обер-фрейлина повернулась к ней.

– Идемте, дитя мое. Заодно посмотрите на борзых ее высочества.

Обе дамы ушли, и Карл перевел дух.

Спеша к королевским апартаментам, Карл спрашивал себя, заметила ли въедливая Матильда его оговорку. Надо же было назвать принцессу по имени! И эта новая фрейлина так пристально уставилась на него. Но больше всего угнетал вызов королевы. Насколько помнил Карл, здоровье ее величества всегда было прекрасным, исключая мелкие простуды, на которые королева не обращала внимания. Карл занимался, в основном, вечно обморочными придворными дамами. Но пару месяцев назад ему впервые пришлось предстать перед ее величеством.

«Неужели опять приступ? А я так и не смог поставить диагноз. И мой покровитель ничего полезного не написал. Сплошные неприятности сегодня», – подумал Карл, проходя мимо караула и стараясь ступать как можно тише.

Герцогство Морская Длань, Илеханд

Зигфрид быстро шел по коридору, пиная все, что имело неосторожность коснуться его сапог. Сыпя про себя самыми страшными проклятиями, он добрался до своих комнат и распахнул дверь ногой, краем уха отмечая шуршащие и испуганные шепотки сзади. Слуги давно не видели герцога в таком состоянии. Неудивительно, что они все попрятались.

Зигфрид с грохотом захлопнул дверь и на этот раз пробормотал проклятие вслух. Затем подошел к зеркалу и задумчиво посмотрел на свое отражение. Куда же подевались его выдержка и рассудительность? Надо же было себя так довести! Вот, полюбуйте, и это герцог крови, хладнокровный и честолюбивый, человек, известный своим ровным характером. Зигфрид поморщился, увидев лихорадочно блестящие глаза, судорожно кривящиеся губы, светлую прядь волос, упавшую на лоб, и постарался взять себя в руки. Любое жизненное обстоятельство, даже самое скверное, не стоит того, чтобы из-за него потерять лицо. Неужели история брата ничему его не научила? Подумав о Конраде, Зигфрид вздрогнул, почувствовав, как к горлу подступил ком, и внезапно успокоился. Он протянул руку к кувшину, стоящему на мраморном столике, но передумал.

Вместо этого Зигфрид подошел к двери, распахнул ее и оказался лицом к лицу с донельзя испуганным слугой. Последний увидел привычное спокойное лицо герцога и сразу расплылся в извиняющей улыбке.

– К вам приехали, монсеньор.

– Кто еще? – не понял Зигфрид, который собирался приказать приготовить ему ванну. – Я никого не жду.

– Посыльный от важного гостя и по очень важному делу, – пролепетал слуга, видя, как светлые брови господина начинают потихоньку сходиться к переносице.

– Пусть подождет, – равнодушно произнес Зигфрид. – А ты пока распорядись насчет ванны.

– Н-но... но, монсеньор, он сказал, что не может ждать, – осторожно пробормотал слуга и с облегчением увидел, как хозяин кивнул.

– Понятно. Где он?

– Во внутренней гостиной, монсеньор.

Зигфрид быстрыми шагами прошел по коридору, не забыв остановиться перед зеркалом и кинуть на себя оценивающий взгляд. Глаза все еще немного выдавали недавнюю бурю, но все эмоции уже покинули бледное и снова ставшее высокомерным лицо. Это последний раз, когда он себе позволил такое прилюдно. Чтобы не случилось, необходимо держать себя в руках.

Внутренняя гостиная отличалась тем, что одна стена ее, выходящая на море, была выполнена из стекла, искусно обработанного лучшими мастерами Илеханда. За ней находилась небольшая терраса, попасть на которую можно было из дома. Сейчас отсюда открывался великолепный вид на спокойное и бесконечное море в отблесках заката.

Зигфрид подошел к стеклу и задумчиво посмотрел на человека, стоящего внутри. Нет, это не надоедливые родственники пришли по его душу, хотя сейчас Зигфрид предпочел бы их. Как он и думал, это был гонец из порта. Снова придется перемещаться на «Изумрудного быка» и разговаривать с этим скучнейшим человеком. Зигфрид помнил их последнюю встречу. Темно-бордовый цвет одежды резко контрастировал с бледной кожей, на запавших щеках играл нездоровый румянец. Жертва труда и науки во плоти. Если бы не обещание отцу, Зигфрид бы ни за что в свое время не связался с ним. На редкость неприятный и скользкий тип. Будет опять мотать ему нервы, и выпрашивать про свою беглянку. Зигфрид вздохнул, прошел по небольшому коридорчику и открыл дверь во внутреннюю гостиную.

Гостиница, Дворцовый округ, Илеханд

Ильза уныло смотрела в зеркало, отмечая, что платье выглядит далеко не новым, а волосы надо было бы привести в порядок. Взгляд скользнул по предметам мебели в ее комнате, вызвав более неприятные мысли. Скоро ей вообще придется покинуть эту удобную гостиницу. Денег у нее осталось совсем немного. Ильзе не хотелось переселяться в дешевый трактир, но, к сожалению, для того, чтобы понять неизбежность этого, не требовалось иметь магический диплом. Девушка нахмурилась и осторожно провела рукой вдоль желудка: все было в порядке. Она надеялась, что проглоченного экспериментального образца наставника Вольфганга хватит надолго, поскольку сегодня ей предстояло задуматься о том, как заработать себе на жизнь.

Все складывалось не очень удачно: законную работу она найти себе не сможет, денег на то, чтобы добраться хотя бы до Суриды, у нее нет, искать выходы на подпольных магов не позволяет отсутствие каких-либо полезных связей. Даже одежда скоро не позволит выдавать себя за богатую даму. Ильза сердито фыркнула и напомнила себе, что пора идти завтракать. Конечно, можно было позвонить, и горничная принесет завтрак в номер, но Ильзу тянуло спуститься вниз и посидеть в окружении людей. Она и не осознавала, что за последнее время страшно устала от одиночества. Ильза продолжала смотреть в зеркало, но глаза уже ничего не видели и, что было хуже всего, наполнялись слезами. Она поспешно вытащила платок и стала вытирать влагу. «Какая же я бестолковая! Стоило мне выйти в большую жизнь, как я оказалась беспомощнее рыбы, выброшенной на берег. В Башне все было так устроено и привычно. Не приходилось беспокоиться о том, что я буду есть, во что одеваться и где ночевать. Я была такой наивной душой, когда думала, что так будет всегда, что обо мне позаботятся! И вот результат: я одна, и не знаю, что со мной будет».

Ильза вытерла слезы и постаралась улыбнуться своему отражению. Необходимо как следует поесть, чтобы подумать на сытый желудок. Она еще раз аккуратно промокнула глаза и вышла из номера.

Когда Ильза спускалась по лестнице, ей пришла в голову мысль, что зря она приехала в столицу. Кто знает, вдруг в маленьком незаметном городке ей повезло бы больше, и законы там соблюдают не так рьяно? С другой стороны, если в Илеханде и оказывали подпольные магические услуги, то наверняка в столице государства было больше шансов найти практикующих коллег из Башен. Ильза неспешным шагом, сохраняя достоинство, присущее знатной даме, прошла к столику, который занимала в течение двух недель. Официант, заметив ее, поспешил накрывать. Ильза не заметила, что именно положили в ее тарелку. Она сосредоточенно жевала, но мысли были далеко.

В Суриде было бы проще. Ее талант и навыки позволяли найти неплохое место на службе богатому дому. Или она могла бы заинтересовать какого-нибудь мецената своими исследованиями и получить личную лабораторию. Но теперь поздно жалеть об этом. Перед мысленным взором промелькнул образ печального красавца, который в дни одиночества стал терзать ее просто нещадно. Если бы не он, она была бы сейчас в Суриде.

Ильза с удивлением поняла, что губы ее растягивает странная улыбка, глупая и мечтательная. «Если бы я сбежала в Суриду, то мы никогда бы не встретились. И он бы умер без моей помощи». Улыбка быстро уступила место нахмуренным бровям. Ильзу всю ее сознательную жизнь учили, что судьба – очень спорное понятие. Человек не должен слепо доверять судьбе, потому как это часто отнимает у него силы самостоятельно бороться за свое благополучие. Однако сейчас Ильза усомнилась в справедливости подобного постулата. Ладная, без единого изъяна, цепочка ее жизни неожиданно порвалась и, если и снова склеилась, то получила абсолютно иной узор. Ильзу охватило любопытство: что если она попробует полностью положиться на судьбу, чем закончится подобный эксперимент? Внутренний голос услужливо выдал ответ:

голодной смертью или возвращением в Башню. Однако в Ильзе уже заговорил теоретический экспериментатор, как любил шутить наставник Вольфганг. Она дожевала завтрак и принялась за ароматный чай. Ведь должно же в этом что-то быть: в какой-то момент она свернула к берегу, и ее жизнь изменилась. Осталось определить, насколько сильно бы все пошло иначе, вздумай она идти другой дорогой. Здесь бы пригодился талант к ментальной магии.

Дверь гостиницы широко распахнулась, и в помещение проследовали несколько людей. Именно проследовали. Ильза с интересом осмотрела их и решила, что она, притворяясь знатной дамой, сильно проигрывала на их фоне.

Прежде всего, в глаза бросался высокий молодой человек в голубом расшитом серебром колете и синем плаще глубокого красивого оттенка. У него были темные густые волосы, глаза, немного бледнее цвета плаща, и безгранично надменное выражение лица. Его внешность, походка, жесты кричали о том, что их хозяин высокого о себе мнения. Он стряхнул с рукава несуществующую пылинку и осмотрелся в поисках свободного и удобного столика. Его свита обратилась к пробегающему мимо официанту с просьбой найти хозяина. Сам же знатный господин выбрал себе место и важно развалился за столом прямо напротив Ильзы. Ей хватило нескольких минут, чтобы хорошо рассмотреть его и предположить, что молодой дворянин явно мучился похмельем. Ильза не выдержала и хихикнула.

Аристократ резко вскинул голову, стараясь найти источник смеха. На миг их глаза встретились, и его лицо исказилось злостью, а сам он встал и направился к ней. Что ему могло понадобиться? Обиделся на смех? В следующую минуту ей стало не до размышлений: дворянин подскочил к ней и схватил ее за руку.

– Что вы себе позволяете? – вскинулась Ильза.

Тот, не отводя от нее яростного взгляда, позвал своих людей на языке, похожим на тусарский.

Ильза попыталась выдернуть запястье, но незнакомец крепко в нее вцепился.

– Отпустите меня! Кто вы вообще такой? – шипела Ильза, напуганная тем, что привлекла ненужное внимание.

– Что случилось, милорд? – спросил перепуганный запыхавшийся хозяин гостиницы.

– Извините за беспорядок, уважаемый, – полуобернулся к нему дворянин. – Не знал, что в вашем заведении водятся грабители. Вроде приличное место.

– Что? – возмутилась Ильза. – Это какая-то ошибка, и я не...

– Мне позвать охрану? – осведомился хозяин.

Аристократ открыл рот, но внезапно остановился, внимательно осматривая Ильзу с ног до головы. Когда его взгляд дошел до ее руки, он отпустил девушку. Ярость в его глазах потухла, сменившись чем-то похожим на смущение, которое тут же сменилось беспокойством.

– Нет, – сказал он, – не стоит звать стражу. Я действительно ошибся, это не она. – Он поклонился Ильзе. – Прошу извинить меня, госпожа, за причиненное беспокойство.

Ильза услышала, как облегченно вздохнул хозяин, но сама еще не отошла от испуга, вызванного поступком этого дворянина, к тому же иностранца. И мага. Ильза выяснила это, пока он держал ее за руку.

– Приглашаю за мой столик, чтобы я мог угостить вас и загладить свою вину, – предложил аристократ, небрежным жестом отсылая хозяина и свиту.

– Благодарю, я только что позавтракала, – сердито ответила Ильза и, повинувшись своим эмоциям, прибавила, понизив голос. – Я огорчена тем, что в вашей стране, видимо, принято набрасываться на беззащитных женщин. Или в Башне не привили вам должных манер?

Она увидела, как сверкнули глаза незнакомца, как в следующие секунды он побледнел и чуть наклонился к ней:

– Кто вы? – теперь его тон был вкрадчивым и даже угрожающим.

Ильза посмотрела в его темно-голубые глаза, а потом покачала головой:

– Не имеет значения.

Ильза отвернулась и пошла по направлению к лестнице.

– Постойте, госпожа, – воскликнул он и, увидев, что она не реагирует на его слова, поспешил за ней.

Ильза не стала дожидаться, пока снова станет центральной фигурой в представлении, устраиваемом иностранным дворянином. Она еле слышно пошептала формулу, и аристократ согнулся, громко застонав и держась за живот. Ильза, чувствуя себя победительницей, гордо поднялась в свой номер.

Посидев на кровати и немного остыв, девушка решила, что поступила, мягко говоря, не очень умно. Перед завтраком она огорчалась тому, что у нее нет связей, чтобы найти работу, а потом оттолкнула первого встретившегося ей мага. Несомненно, он богат и влиятелен и мог бы составить ей протекцию, если не в Илеханде, то у себя в стране точно. Но теперь было поздно сожалеть: аристократ вряд ли согласится с ней даже разговаривать после того, как она устроила ему кишечные колики. Ильза на секунду усмехнулась, а потом нахмурилась. Нет, она правильно поступила, что отделалась от этого мага, было в нем что-то непонятное и настораживающее. И любопытное. Казалось странным, что столь знатный человек, несомненно, выпускник Башни, приехал просто так в столицу Илеханда. Похоже, пора собирать вещи для переезда в другую гостиницу.

В ресторане было тихо, царили полумрак и пустота. Ильзе повезло: у двери, ведущей на кухню, появился сам хозяин. Девушка решительным шагом направилась к нему.

– Я уезжаю немедленно, – объявила она.

Хозяин кивнул.

– Госпожа желает нанять карету?

– Нет, но у меня есть к вам вопрос. Мне хотелось бы знать, кто тот иностранный господин, что заходил утром.

Глаза хозяина расширились.

– О, так это же граф Марио Риччи, посол Тусара при дворе ее величества.

Посол? Тусарский посол при дворе королевы Фредерики – маг?! Чудные дела творятся в Илеханде. И зачем она только сама открылась перед ним? Хотя открылась ли? Ильза остановилась у двери в номер и коснулась своего живота. Если граф не почувствовал следов магии, значит, и колики мог счесть симптомами похмелья.

Улицы столицы, Илеханд

Марио Риччи вскоре и думать забыл о таинственной незнакомке, раскрывшей в нем выпускника Башни. Он быстро покинул ресторан вовсе не потому, что у него внезапнохватило живот, а потому, что получил от одного человека очень важное донесение. И с чего он взял, что эта бледная девица, которую он принял за грабительницу, тоже маг? Ляпнула наугад первое, что пришло ей в голову. Наверное, очередная илехандская аристократическая выскочка: молодая вдова, оставшаяся управлять имением, или дочка-наследница какого-нибудь лорда. Марио как истинный тусарец придерживался мнения, что женщину лучше держать подальше от власти и финансовых дел. Только будучи послом в стране, где эта власть наследовалась в том числе и по женской линии, он благоразумно помалкивал.

Стремительно шагая по мощным светлыми камнями улицам, Марио раздумывал, как удобнее добраться до северо-восточной окраины столицы.

Илеханд – главный город одноименного королевства – широко раскинулся на высоком берегу могучего Вейза, чуть ниже места слияния с медлительной Эйной. Полноводные реки защищали город с юга и востока. В прежние времена здесь была крепость, сторожившая Большой мост. Это единственная сухопутная переправа через Вейз на великом Столичном Тракте, соединявшем земли от знойной Суриды на юге до вечно беспокойной Велии на северо-западе. Большой мост, по легенде, построили добрые духи с помощью магии, оживив гигантские серые валуны, из которых теперь были сложены его опоры. Со временем на переправе возник торговый городок, ныне разросшийся в огромную столицу богатого королевства.

Сезон Пчелы в этом году выдался на редкость жарким. Маленькие крашенные белой известкой домики северо-восточной окраины утопали в цветущем кустарнике. Медовый аромат перебивал даже запах нечистот на узких улочках Дубового конца. Здесь селились семьи рыбаков и плотогонов, кормившихся с промысла на Эйне, по которой сплавляли бревна из дубовых рощ на севере. Этот район изобилует множеством второсортных трактирчиков, в которых обстрепывали свои делишки торговцы и контрабандисты всех мастей. В одном из таких заведений, некая неизвестная особа пыталась продать кинжал с гербом Риччи, о чем Марио было доложено. В его планы входило встретиться с человеком, который так и не купил украденную вещь, и, возможно, поймать самого продавца.

Марио отправился один, без охраны, надеясь на собственные силы и на то, что патруль редко заходит в трущобы. Лишние свидетели в этом щекотливом деле ему были не нужны. Если тусарский двор узнает, что его в одиночку ограбила какая-то жалкая девчонка, ему проходу не дадут насмешники. В результате дерзкого нападения Марио был разут, вывалян в грязи, у него исчезли деньги, кинжал и, самое главное, очень важные документы.

На него напали сзади и ловко ударили по голове, когда он прогуливался по Веселой роще в окрестностях столицы. Это место было известно всем магам королевства и окрестных стран. Практически каждый имел здесь точку телепорта, наиболее приближенную к столице. Разумеется, это было незаконно. И, конечно, все городские власти упорно делали вид, что ни о чем не подозревают. В конце концов, Веселая роща находилась за городскими воротами и, строго говоря, не относилась к их юрисдикции. А Роща тем временем обрастала кучей легенд, а также трактиров и гостиниц, где всегда можно было найти магов, за хорошие деньги готовых помочь уважаемым людям мгновенно попасть в любую часть света и вернуться обратно.

Вот там-то, когда граф был сосредоточен на установке точки портала, его и подстерегла грабительница, оглушив прежде, чем он мог хоть что-то сделать. Воровку Марио не видел. Уже позже, придя в себя и немного успокоившись, граф сумел заклинанием воссоздать облик негодяйки. Видимо, заклинание было не сильно удачным, что и привело к досадной ошибке в

ресторане гостиницы. Граф же отлично помнил, что на запястье у напавшей был небольшой, но приметный шрам.

День был чудесный. В чистом голубом небе сновали стрижи. Пригревало солнышко. Вокруг все цвело и пело. А вот настроение графа, напротив, с каждым часом становилось все мрачнее.

Сегодня назначен ужин во дворце, а Марио хотелось после посещения трущоб встретиться с той девушкой, Кьярой, с которой познакомился позавчера, точнее, вчера ночью при загадочных обстоятельствах. Пустые старые коридоры замка, красивая женщина из герцогской семьи, сестра Зигфрида Корфа. Граф мысленно поправил себя – приемная сестра. И неизвестно еще, какие отношения их связывают. Успеет ли он навестить ее до того, как настанет время идти во дворец? Может, сказаться больным и пропустить ужин? Но там будут королева и кронпринцесса, и его отсутствие может вызвать неприятные разговоры при дворе.

Граф Марио Риччи уже второй месяц находился в Илеханде и стал слегка уставать от своей работы. Посол обязан посещать все мероприятия: начиная от королевского приема и заканчивая днем рождения герцогини или генерала, или захудалого барона и его семейства. Впрочем, последние не жаждали видеть у себя высокопоставленных иностранных господ, поскольку предпочитали тратить свои силы и средства, которые были далеко не безграничны, на что-нибудь практичное. Марио своими ушами слышал, как на празднике одна старая дама говорила другой, моложе ее: «Ох, милочка, сколько шуму вы наделали, пригласив этого нового посла. Всем, конечно, интересно удовлетворить свое любопытство, но сегодня устраивает бал моя кузина, и, уверяю вас, она пригласила много достойных молодых людей! Ну, как можно, милочка, от посла толку – дырка от кренделя, а вам надо подумать о наследниках, вы уже не глупенькая девочка, у моей кузины обычно широкий выбор... У вас ведь такой прекрасный дом...». Марио приходил в ужас от подобных разговоров и старался по мере возможности не отвечать на приглашения знатных дам брачного возраста. Кончится тем, что они сочтут и посла достойным для замужества. Единственное, в чем не мог отказать Марио илехандским дамам, это в присутствии определенного здравого смысла.

Сколько прекрасных имений в Тусаре было пущено на ветер из-за того, что их владельцы больше интересовались охотой, лошадьми и приемами, чем своей личной жизнью. Конечно, и в Илеханде графу приходилось слышать истории о том, как какая-нибудь княгиня сбежала замуж за границу, оставив имение на сына, а тот, в свою очередь, перекинул все на свою жену, а сам сломал шею на охоте. В результате бездетная вдова снова вышла замуж, и поместье, таким образом, ушло из рук исконных владельцев. Или про герцогиню, имя которой по понятным причинам умалчивалось, пристрастившуюся к спиртному и картам. За сутки она умудрилась спустить два поместья и деньги, взятые займы у кузена. Граф Риччи только иронично усмехался, вспоминая семейные истории про собственного прадедушку, который проиграл свои конюшни, по праву считавшиеся самыми знаменитыми в Тусаре, а потом чуть не женился на дочке богатого купца. Судя по всему, глупость, безответственность и дурные склонности существовали у людей независимо от того, где они жили.

Граф Марио Риччи начинал всерьез опасаться, что пребывание в Илеханде ударит по его нервам и самочувствию гораздо сильнее, чем ему казалось еще пару недель назад. Колдовать можно было редко и то, трижды три раза помолившись Млету за свою жизнь. Оба раза, когда приходилось перемещаться в посольство, Марио ожидал, что ему нанесут визит вежливые серые гвардейцы и также вежливо проводят во дворец. Нет, илехандская королева не станет сажать посла в тюрьму. Его просто выдворят из страны, и он с позором вернется в Тусар. Хотя в этом случае лучше не возвращаться.

Размышляя, как бы ему пораньше уйти с королевского ужина и встретиться с Кьярой, Марио не заметил, как заблудился в трущобах. Столица Илеханда славилась своей чистотой и четкостью построения улиц. Но даже здесь существовали кварталы, в которых потеряться и

напороться на грабителей можно было и днем. Или, не сходя с мощеной улицы, вступить в кучу мусора или лужу помоев. Граф Риччи поморщился, плотнее запахнулся в плащ и, держась за стену, пошел вперед. Надо было предупредить слуг, чтобы к его приходу приготовили горячую ванну.

Марио лихо перепрыгнул очередную лужу, но в тот же момент некто выпрыгнул из-за угла ближайшей хибары, сбив графа, что называется, в полете. Не удержавшись на ногах, граф рухнул в вонючую жижу.

– Прошу прощения, я вас не заметил, – произнес виновник, стоя над распростертым в грязи Марио. – Здесь лужа, которую я всегда перепрыгивал, и тут неудачно подвернулись вы.

– Ах, не заметил!.. Лужу перепрыгивал... – пробормотал Марио, свирепея. Его дорогой синий плащ превратился в мокрую тряпку, весь наряд, стоимостью в десять этих проклятых кварталов, был забрызган грязью и, несомненно, безнадежно испорчен. Вскочив на ноги, граф увидел, что виновник его положения рыжеволосый мужчина, примерно его ровесник, в небогатой одежде, но при шпаге, что немедленно решило дело.

– Нет уж! Это вы неудачно подвернулись, – прошипел Марио, обнажая свою шпагу. – И мне придется поучить вас смотреть не только под ноги, но и по сторонам.

Дворянин окинул графа скучающим взглядом и равнодушно пожал плечами.

– Жизнь научила меня не ценить слишком высоко чистоту одежды. Вы, несомненно, счастливее меня, раз такие мелочи имеют для вас значение. Я еще раз приношу вам свои извинения и предлагаю компенсировать вашу потерю.

Это было уже слишком! Какой-то захудалый дворянчик имеет наглость говорить с ним, как с нищесбродом!

– И непременно компенсируете, как только изволите обнажить свою шпагу! Или чистоту оружия вы так же не цените и стыдитесь показать мне пятна ржавчины на благородной стали?

Рыжеволосый плавным движением извлек оружие, легко разворачиваясь в стойку.

– Моя шпага к вашим услугам, – все тем же бесцветным голосом произнес он, салютуя.

Несмотря на то, что гнев туманил взор, граф Марио сразу отметил грациозность его движений. Похоже, этот провинциал неплохой фехтовальщик, кто бы мог подумать!

Без лишних слов рыжеволосый очень быстро атаковал уколом в плечо. Марио парировал, тут же переводя движение шпаги в ответный удар. Противник отступил и закрылся. Марио атаковал несколькими быстрыми ударами и уколом сверху вниз, в ногу. Рыжий легко парировал удары, ускользнул и предсказуемо контратаковал в голову. Ну что ж, вот и познакомились.

Марио был отменным фехтовальщиком, и, хотя илехандец тоже был неплох, местная школа всегда уступала тусарской. Дворянин был спокоен, собран и очень быстр. Но Марио не сомневался, что одержит над ним верх. А значит можно проучить наглеца, что называется, малой кровью.

Риччи атаковал несколькими сильными ударами, заставляя противника отступать, пока не прижал его спиной к стене. Однако рыжеволосый не растерялся: неожиданно развернувшись, он хлестко ударил по клинку и, оттолкнувшись плечом от стены, швырнул плащ в лицо графу. Марио едва успел отступить и закрыться. Из-под плаща остро ужалила стальная змея. Но Риччи уже успел обрести равновесие и без труда завязал чужой клинок своим. Противники сблизилась лицом к лицу. Серый суконный плащ полетел в ту самую лужу. Наглая физиономия рыжеволосого напрашивалась на хороший удар кулаком, но Марио сдержался. Все-таки в данном конкретном споре это был бы не вежливый аргумент.

Освобождая оружие, фехтовальщики отскочили к противоположным сторонам узкого переулка. Риччи с удовольствием отметил, что лицо его соперника теперь не столь безмятежно. Граф уже понял, что вряд ли этот человек простой провинциал. Слишком хорошая выучка, да и опыт чувствуется. Значит, какой-то местный титулованный дворянин не захотел разгуливать

по трущобам в истинном облиии. Что ж, его право, но тогда тем более стоило быть внимательнее!

Марио сделал выпад с широким замахом, не позволяя илехандцу отступить от близкой стены, но на следующем ударе уже его шпага оказалась завязана, а в запястье левой руки вцепились крепкие пальцы. Похоже, придется драться не вежливо. Упершись клинком в клинок, Риччи шагнул вперед и толкнул противника, хорошенько приложив затылком о стену. Отшагивая назад, полоснул своим клинком, пропоров серенький колет и слегка порезав грудь илехандца. Пустяковая рана, но большего Марио сегодня и не требовалось.

Граф отступил и опустил оружие, демонстрируя противнику, что готов окончить дуэль. Рыжеволосый держался настороженно.

– Полагаю, на сегодня урок окончен. Считайте, что я принял вашу компенсацию. И, надеюсь, впредь вы будете осмотрительнее.

Немного поколебавшись, илехандец отсалютовал и убрал шпагу в ножны.

– Вы правы. Уж лучше прогуляться по грязи, чем скрестить с вами шпаги.

Какая наглость! Ладно, придется посчитать это комплиментом. Он и без того зря потратил много времени. Наряд отмщен, на сердце стало легче, а этого ряженого он запомнит. Даст Млет, еще будет повод расписаться на его наглой физиономии.

Марио вытер кончик шпаги об удачно подвернувшийся под ноги плащ и вбросил оружие в ножны. В глазах рыжеволосого мелькнуло странное выражение, но лицо по-прежнему было равнодушным. Похоже, Марио Риччи нажил себе в Илеханде опасного недруга. Что ж, тем лучше. Зато скука ему тут не грозит.

Зайдя за угол ближайшей хибары, Марио с досадой оглядел себя. Опять придется перемещаться в посольство на свой страх и риск. И как они тут вообще выживают без магии?!

Королевский дворец, столица, Илеханд

– А вы как считаете, дорогая герцогиня? – услышал Лючано обращенный к нему вопрос и понял, что прослушал что-то из щебетания окружающих его дам.

Разодетые фрейлины в ожидании предстоящего ужина с королевой, кронпринцессой и послами собрались в свитской и коротали время, как умели. То есть с помощью пустой болтовни, от которой у Лючано снова разболелась голова.

– Хмм... – прочистил горло герцог, опасаясь, что заговорит не тем тембром голоса. – Вы насчет магии?

– Иоганна говорит, что это, должно быть, довольно увлекательно, – тонким пронзительным голосом сказала одетая в розовое дама, имя которой Лючано до сих пор не запомнил. – Но я считаю, что и без магии можно обойтись. Разве мы плохо живем?

– Мне сложно об этом судить, – чуть пожал плечами Лючано, по привычке прикрываясь веером. – В Тусаре все пользуются магией. Если хватает средств, конечно. – И молодой герцог как можно очаровательнее улыбнулся.

– Говорят, после телепорта люди чувствуют себя плохо. – Красавица Иоганна захлопала своими длинными ресницами.

– Не все, – тут же возразила дама в розовом.

– Вам-то откуда знать, баронесса? – возразил кто-то из фрейлин, явно недовольный всезнающей подругой.

– У меня были хорошие учителя, – с оскорбленным видом отозвалась та. – И я много читаю. Например, мне известно, что среди магов тоже есть люди, которые плохо переносят порталы. Это как путешествие на кораблях и морская болезнь – кто-то мучается от маленького ветерка, а кому-то и любой шторм по силам.

– А я слышала, что в илехандской династии рождалось много магов. – Иоганна завертела своей красивой головкой, словно ожидая одобрения и восхищения.

– Все знают про принцессу Генриетту, – фыркнула баронесса в розовом.

Прелестная Иоганна чуть покраснела, и Лючано стало ее жаль.

– У нас в Тусаре рассказывают, что принцессе Генриетте помогал дух-покровитель, – произнес герцог и, наклонившись вперед, прошептал. – И что она до сих пор может ходить среди живых и помогать тем, кто в этом нуждается.

– Как интересно, – восхищенно воскликнула Иоганна, с благодарностью взглянув на Лючано. – Скажите, герцогиня, а у тусарской династии есть дух-покровитель?

– Конечно, – кивнул тусарский герцог, не обратив внимания на очередное фырканье баронессы. – Зимородок. У нас также есть длинная и красивая легенда.

Само собой, все дамы наперебой принялись уговаривать «дорогую герцогиню» поделиться с ними историей тусарской королевской семьи. Лючано же только кровожадно усмехнулся про себя. Легенда о короле-рыбаке и духе реки была не столько захватывающей, сколько ужасающей из-за всяких мало аппетитных подробностей. Не слишком подходящее повествование перед ужином. Однако Лючано уже настолько захватила мысль напугать этих вызывающих у него головную боль придворных пташек, что он милостиво кивнул им и улыбнулся. Помнится, отец находил эту легенду пригодной только для устрашения маленьких непослушных детей.

– Давным-давно, когда духи ходили по земле, – начал Лючано стараясь, чтобы его голос звучал загадочно, – в благодатном крае правил король Просперо. Был он высок, силен, отважен, мудр и благороден, как и положено великому владыке. Под его рукой страна процветала. Огромные стада тучных коров бродили по изумрудным пастбищам от Озерного края до берега моря. В реках и озерах в изобилии было рыбы и черепах, а в прибрежных тростниках кишели

утки, гуси и белые лебеди. В лесах было довольно дичи, а поля и виноградники давали прекрасные урожаи из года в год. Люди были веселы и довольны. В стране процветали города, где искусные ремесленники создавали прекрасные вещи.

У короля был младший брат, Авидо, неудачливый и несчастный, с лицом, обезображенным болезнью. – Лючано внезапно подумал, что все это звучит как-то тоскливо и надо бы расцветить рассказ подробностями. – Все тело его покрывали язвы, сочившиеся дурно пахнущей сукровицей. Он носил золотую маску, скрывающую лицо, и постоянно страдал от боли.

Юный герцог с удовольствием отметил смесь отвращения и сочувствия на лицах фрейлин и продолжил:

– Просперо очень любил брата и безмерно сострадал ему, ведь тот был не виноват, что судьба столь жестоко с ним обошлась. А Авидо тяготился жалостью брата и отвращением окружающих. Кроме того, его измученную душу снедала злая страсть – он тайно любил жену Просперо, прекрасную и благородную Вирту. Была она дочерью духа Вечерней зари, чистейшей и прекраснейшей женщиной на свете. Волосы у нее были подобны ночному небу, а румянец на щеках лежал отблеском заката. Свежесть исходила от нее, и музыка звучала в ее голосе. Она была добрая и кроткая, и все подданные обожали свою королеву, достойную жену короля.

Мрачны были думы Авидо. Зависть пустила корни в душе его, и настал черный день, когда расцвела она кровавыми цветами. Авидо понимал, что если он убьет брата, прекрасная Вирту тоже не станет жить. И тогда он хитростью опоил Просперо сонным зельем и заточил в железную клетку в самой глубокой пещере под горой Спавентозо, к которой и сейчас боятся подходить добрые люди. – Лючано округлил глаза и понизил голос почти до шепота. – Никто не смел пройти лабиринт гротов, населенный призраками и злыми духами, воющими во тьме. Лишь Авидо с его черной душой, которого они принимали за своего, и Вирту, столь чистая душой, что они не смели ее коснуться, могли спуститься к пещере, где томился Просперо.

Чтобы Вирту не смогла рассказать о судьбе короля, Авидо отрезал ей язык. Он овладел ею, а потом велел служить ему, угрожая истязать ее мужа каждый день. И Вирту подчинилась, боясь даже плакать на глазах своего мучителя, чтобы не подвергнуть Просперо дополнительным пыткам. И Авидо продолжал насиловать ее и наслаждался своей гнусной властью над прекраснейшей женщиной королевства. – Фрейлины слушали с раскрытыми ртами и округлившимися глазами, а красавица Иоганна в испуге даже зажала рот ладошкой, – Авидо стал править от имени своего брата, отдавая жестокие и кровавые приказы. Он собрал четыре армии и отправил во все стороны света, чтобы они завоевали для него новые земли. Он отбирал сыновей у матерей и мужей у жен, чтобы пополнять ряды своих солдат. Любого, кто отказывался подчиниться, жестоко казнили преданные злодею палачи. Чтобы взрастить страх в сердцах людей, Авидо запретил хоронить казненных, оставляя их перед воротами, пока стервятники не растащат их тела.

Лючано сделал паузу и обвел глазами притихших побледневших девушек. Надо немного смягчить рассказ, а то они могут и в обморок упасть, не дослушав. Он вздохнул и постарался, чтобы голос звучал печально и трагично.

– А несчастная Вирту продолжала носить еду своему мужу и заботиться о нем. Она не роптала, искренне веря всем сердцем, что Млет покарает неправого и воздаст терпящим бедствия. И так случилось, что через малое время у нее родился мальчик, как две капли похожий на Просперо. Боясь, что Авидо отнимет и убьет его, она положила младенца в корзину и, помолвившись, отдала великой реке. Дух реки сжалилась над малышом и его матерью, и принесла корзину к рыбацкой деревне. Рыбаки подобрали ребенка и вырастили среди своих детей. И сын короля стал зваться просто Пескаторе, что значит Рыбак.

Четырежды шесть раз обновился год, и благословенный край превратился в бесплодные земли под пятой безумного Авидо. Некому стало работать в полях, охотиться и ловить рыбу. Опустели города, закрылись ремесленные мастерские и торговые лавки. Плач и стон стояли

по всей земле. Люди молили Бога, чтобы избавил он их от страданий. И слезы вдов и сирот достигли небес, переполнилась чаша гнева, и Млет покарал нечестивца Авидо, пригвоздив его к земле своим разящим Копьем! – Для убедительности Лючано прихлопнул веером о ладонь, и фрейлины невольно вздрогнули, а потом облегченно заулыбались. Герцог немного выждал, давая им расслабиться, и злорадно продолжил. – Подобно тому, как он издевался над своими жертвами, люди оставили тело злодея гнить на сырой земле, не удостоив его погребением. Но ни один падальщик не польстился на пропитанные ядом злобы и алчности останки. И столь силен был этот яд, что стал отравлять всю землю вокруг, проник до подземных источников и испортил все реки и озера. И вместо того, чтобы возродиться после смерти угнетателя, бесплодные земли все больше приходили в запустение. Люди голодали и гибли от болезней. «Вот если бы король Просперо вернулся, он спас бы нас от страданий!», – говорили они. И многие отправлялись на его поиски, но не находили ни следов, ни могилы.

А бедная Вирту ничего не могла рассказать о своем муже. В отчаянии она бродила возле входа в пещеры Спавентозо и звала за собой случайных путников. Но все они боялись зла, притаившегося во тьме. И люди стали бояться и Вирту тоже.

А Пескаторе удил рыбу на великой реке, хотя день ото дня улов становился все беднее и беднее. Но в деревне были дети и старики, которых надо было кормить, и молодой рыбак с восхода до заката проводил время на реке. И все же настало время, когда вся живность перевелась в отравленных водах. За весь день Пескаторе поймал лишь одну рыбу, но и та была драгоценной, ведь из нее можно было сварить суп, который поддержит людей еще один день.

Когда он плыл в своей лодке вдоль берега домой, его окликнула старуха. Была она немощная и грязная, но держалась с достоинством. Она попросила у Пескаторе рыбу, и он отдал, подумав про себя: «Может, мои названные братья были удачливее сегодня, и мы не умрем с голоду, а этой старой женщине некому помочь». Каково же было его удивление и досада, когда старуха выкинула рыбу обратно в реку. «Не удивляйся, молодой принц, – сказала она. – Тебе не впрок была бы эта рыба, а мне в моих отравленных владеньях теперь дорога жизнь каждого существа. Я дух реки Джильяце, хотя теперь на ней не найдешь ни одной белой лилии». И она поведала Пескаторе, как мать отдала его реке, спасая от гибели, а также что его отец томится в плену, но все еще жив: биение его сердца слышат все духи некогда благословенного, а ныне бесплодного края. Тогда молодой принц решил во что бы то ни стало освободить отца, ведь если он умрет, то исчезнет последняя надежда спасти эту землю. На прощанье дух Джильяце подарила ему золотую фляжку с речной водой и серебряную лилию. Она сказала, что они помогут ему освободить короля и очистить воды, когда он найдет источник отравы.

Пескаторе долго размышлял, где ему искать отца. И решил идти в самое сердце бесплодных земель, где не осталось ничего живого. И откуда яд распозался по всей стране. Так он шел, и сначала ему встречались люди, пораженные болезнью, изголодавшиеся, но сохранившие добродетель. А потом он встречал одичавших и озлобившихся людей. Позже ему попадались безумцы, подобные диким зверям. Но вот он вступил в места, где лишь призраки стенали в зловонной мгле, и хохотали злобные духи в ночном мраке. Сердце Пескаторе исполнилось страха, но он шел вперед, уповая на Бога, ведь не было никого другого, кто мог помочь его отцу и королю.

Лючано перевел дух. Фрейлины заворожено смотрели на него, ожидая продолжения. На милых личиках было написано столько разных чувств, но, главным образом, любопытство. Лючано неожиданно смутился от этого жадного внимания. Он опустил глаза и постарался взять себя в руки, чтобы не разочаровать дам под самый конец истории.

– И вот среди туманов он встретил женщину, красивую и печальную. Она была бледна, так, как не бывают бледны живые люди. Но ее глаза смотрели на Пескаторе с такой отчаянной надеждой, что он, не усомнившись, пошел за ней. Когда она взяла его за руку, сердце его сжа-

лось и забилося сильнее. Ему казалось, что он уже видел эту женщину. Может быть в забытых грезах. А она вела его сквозь подземные лабиринты, и злые духи не смели заступить ей дорогу.

Конечно, Вирту сразу узнала своего сына. Она узнала бы его из тысячи тысяч, даже с завязанными глазами, только лишь по биению сердца. Но он стоял перед ней, так похожий на Просперо! И у нее не было сил даже заплакать.

Они спустились в самое сердце Спавентозо, и там Пескаторе увидел отца, заключенного в железную клетку. Просперо протянул к нему руки, сразу поняв, кого привела к нему Вирту. Ему хотелось лишь коснуться сына и благословить его, а потом умереть.

Пескаторе пытался сломать клетку, но у него ничего не получалось. И тогда он вспомнил о дарах духа Джильяце. Он открыл флягу и вылил воду на кованые прутья. В тот же миг железо обернулось ржавчиной и легко сломалось от первого прикосновения. Король Просперо был свободен. Он обнял жену и сына, и вместе они поднялись к свету.

Король Просперо вознес хвалу Млету и молил его дать мудрость ему спасти благословенный край. И Бог повелел ему упокоить останки его вероломного брата, что продолжали отравлять землю. Когда они пришли к месту, где был сражен Авидо, там разливалось озеро ядовитой желчи. Пескаторе достал серебряную лилию и бросил ее в черную воду. И яд обернулся целительной влагой, озеро засияло кристальной чистотой, и от него по всем источникам потекла свежая вода, изгоняющая отраву и оживляющая землю.

Люди увидели это и узнали, что король жив и свободен. А Пескаторе вернулся к великой реке, чтобы поблагодарить духа Джильяце, и его родители были вместе с ним. Но вместо старухи к принцу вышла молодая и прекрасная девушка, ведь, очистившись от яда, Джильяце вновь ожила, и на реке всюду расцвели белые лилии. Пескаторе просил прекрасную деву стать его женой, и она отдала ему свое сердце.

А Просперо и Вирту покинули этот мир, без страха и сомнения оставив благословенный край в руках своего сына и владычицы реки. Они лишь молили Млета даровать им возможность увидеть внуков, когда придет время. И Бог в милости своей оставил для них открытой дверь в мир духов. С тех пор Просперо или Вирту приходят к своим потомкам из династии Пескаторе в образе Зимородка и хранят нашу землю от бедствий.

Фрейлины дружно вздохнули, а прелестная Иоганна шмыгнула носиком.

– Чем вы тут занимаетесь, дамы? – раздался голос обер-фрейлины, который прозвучал неожиданно громко. Лючано чуть вздрогнул. – Ее величество не будет ждать вас весь вечер. Немедленно поднимайтесь и следуйте за мной.

Дамы, шурша роскошными платьями, послушно последовали за Матильдой, словно выводок цыплят за наседкой. В дверях обер-фрейлина чуть дотронулась до локтя Лючано.

– Очень интересная история, дорогая. Однако у многих наших дам слабые нервы.

– Они будут плохо спать ночью? – спросил Лючано и прикусил губу, чтобы не рассмеяться в голос.

– Ну, вы и проказница, – покачала головой Матильда, пристально посмотрев на Лючано. На его взгляд, слишком пристально.

Глава 4

Постоялый двор, Купеческий квартал, столица, Илеханд

Королевский ужин был скучным и бестолковым. Но все имеет свой конец. Теперь с чистой совестью можно было отправиться на встречу с Кьярой, о которой граф Риччи договорился еще перед ужином. Марио распорядился, чтобы его не беспокоили до утра, запер дверь своих апартаментов и лихо выпрыгнул из окна на улицу, правда, предварительно применив замедляющее заклинание. Он быстрым шагом дошел до угла и настороженно осмотрелся: все было тихо, только где-то далеко пели песни. Забор он преодолел, не прибегая к помощи магии. Подумав о вежливых гвардейцах, граф тихо выругался и поспешил покинуть центральную улицу, где располагалось посольство. Мимо, словно доказывая его последние мысли, бодро промаршировал патруль. Нет, это не государство, а какая-то казарма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.